

**International Research Federation
«Science Public»**

Scientific achievements of the third millennium

**Collection of scientific papers
on materials
International Scientific Conference**

31 July 2016 г.

LJOURNAL.RU

San Francisco 2016

Scientific achievements of the third millennium. Collection of scientific papers, on materials of the international scientific-practical conference July 31, 2016 Ed. SIC "LJournal", 2016. - 60 p.

SPLN 001-000001-0039-MK

DOI: 10.18411/scc2016-3-1

IDSP: 000001:scc2016-3-1

The collection of scientific papers of the materials collected from different areas of scientific knowledge. This publication contains all the materials that were sent to the III International scientific conference "**Scientific achievements of the third millennium**"

The collection is intended for researchers, teachers and students

All materials contained in the book, published in the author's version. The editors do not make adjustments in scientific articles. Responsibility for the information published in the materials on display, are the authors.

Information about the published articles will be transferred in the Russian Science Citation Index (RISC)

The electronic version of the collection is available online scientific publishing center «A-Journal." Site center: science-conf.com

UDC 001.1
LBC 60

Contents

Zagutin D.S., Sazhina L.V., Samygin S.I. Discourse on the preconditions of theoretical concept development of production/enterprise culture	5
Балахова З.О. Актуальность теории ролей в исследовании внешней политики государства	8
Бембель С.Р. Характер проявления локальных сейсмических аномалий и продуктивность залежей нефти и газа в Западной Сибири	12
Ганиева Ш.Ш. Энзимотерапия при синдроме раздраженного кишечника у женщин фертильного возраста	14
Дубовик П.М. Статистические данные при изучении личности преступника	18
Камнев А.Н., Григорьев Г.В. Эмпирическое образование в детском профильном лагере: теория, цели, принципы и педагогические возможности	19
Комиссарова М.Ю. Антропометрические параметры в определении компонентного состава тела.....	26
Наврузова Ш.И., Саъдуллоева И.К. Состояние иммунитета и нейро-гуморальной регуляции при врожденных пороках сердца у детей	31
Наврузова Ш.И., Ачилова Д.Н. HLA полиморфизм при бронхообструктивном синдроме в условиях коморбидности	34
Рыбак В.А., Шокр А. Система поддержки принятия решений в области управления параметрами экологичности промышленных проектов.....	38

Салимгареева Э.Р., Козлова Ю.Б. Роль государственной политики в адаптации коренных народов севера россии в современном информационном обществе	42
Сахибгареев А. А., Гарипова Г.Н. Биопестициды и минеральное питание на посевах ячменя в Башкортостане	48
Смирнов Т.А., Майорова Е.В., Монич А.И., Михайлов Ю.В. Толерантность личности: проблемы формирования (социально-философский аспект)	50
Худякова Т.С., Шеломенцев А.Г., Дорошенко С.В. Программные меры поддержки и сферы социально-экономического развития малого и среднего предпринимательства Зауралья	55

Zagutin D.S.¹, Sazhina L.V.^{2,3}, Samygin S.I.⁴
**Discourse on the preconditions of theoretical concept development of
production/enterprise culture**

¹*Donskoy State Technical University*

²*Institute of Sociology and Regional Studies*

³*Southern Federal University*

⁴*Rostov State Economic University (RINKH)
(Russia, Rostov-on-Don)*

doi 10.18411/scc2016-3-01

idsp 000001: scc2016-3-01

The concept of "culture" is multifaceted. It is not only theoretical, but also actual practice of public life. Therefore, to make a discourse about the theoretical concept development of the culture of production/enterprise it is practically becomes possible only with joint efforts of representatives of philosophy, political economy, sociology, psychology, education, etc. Addressing this question requires a comprehensive approach, when so-called corporate culture is considered in its relationship with all subjects and processes of social life.

It is known that profession is not just a job, qualification or community of people (the term has multiple meanings). Profession is a way of life (the word "image" in this familiar phrase means not a mental phenomenon, not representation, and structure) [1]. And there is a reason to talk about professional culture [2]. In each professional culture it is possible to extract components - intellectual culture specialist [3] culture of motor (psychomotor) [4] communication [5] etc., so the main challenge lies in determining the directions of realization of the culturological approach in the field of professions [6].

In the process of development of production culture there has been developed some determining background: historical, epistemological, and economic.

Within the primitive culture of the individual freedom, from the very beginning all human activity though with animal behavior was determined by the wish to grasp the opportunity to improve the way of life, to deepen knowledge and develop skills in all areas of practice. This statement is reflected in the work of M.S. Kagan [7], where he notes that the craft has become a key driver of progress, slowly but steadily changing life of the primitive society: it brought a hoe and digging, a spear and a knife, a bow and an arrow; it opened up the possibility of firing clay and smelting metals. And thus it changed the consciousness and the consciousness of a primitive man. Acquiring such consciousness and identity was yet unknown to the mankind as the basis of culture. The development of material practice the man to realize the fundamental difference from all other living beings, his creative power, superior physical strength over the beast, and his freedom of action - creativity.

After escaping from the framework of traditionalist thinking and recognizing the right of an artist to his own interpretation of biblical and ancient stories and images of Renaissance artistic consciousness is not the basis of creativity the principle of individual freedom of the inventions, the rights of imagination to write something that no real, nor in mythological experience — was not yet grasped the principle of "absolute creative freedom", which will be indigenous in bourgeois culture, starting with the era of romanticism, and this again speaks to the transitional nature of this type of culture.

Culture in the heart of set, it is the creation of things, that is the relationship of the man and nature, and not a man and a man. He is now regarded as a free and autonomous producer, capable of his individual activity to create from natural existence, the existence of cultural.

Opposite to the medieval was and the relationship between material and spiritual "sections" of culture: a steady and increasingly sophisticated development of production in the union is making giant strides in scientific knowledge of nature, that is, a high degree of theoretical and practical mastery of the material world, led not only to the "reevaluation of values" in the relationship between material and spiritual, which cemented the understanding of the positivism, which became in the nineteenth century in developed capitalist countries the

way of thinking, and not just other philosophical streams, but, ultimately, to the emergence in culture of the XX century such phenomena, as "technicism", "constructivism", "functionalism", "materialism" and "spirituality" which are different aspects of a "consumer society" that causes consternation and sharp criticism of the "romantic opposition" of the industrial civilization.

So in the place of traditionalism and religious, political, legal, ethical, art — in the history of culture came creativism, recognizing the absolute value of innovation, and therefore fraught with inevitable conflicts of each generation with the previous one. Only in the XX-th century, a high level of technical development and the interests of commercial competition created the need to incorporate aesthetic criteria as required in the production of culture that originated the movement, "technical aesthetics" or "design" (at first, from a purely pragmatic prosaic purposes which became a widely known motivational formula: "Beauty brings profit").

Modernism is the last phase of development of bourgeois cultural production in which the controversy brought to its logical limit. This happened under the influence of internal drives the development of bourgeois culture forces, and under the influence of social cataclysms that shook Europe in the first half of the century — two world wars, scale and deadly power which has not been seen in the history of the mankind, and of two revolutions — proletarian-socialist Russia and national socialist Germany.

The impact of wars on the development of culture has yet to be adequately assessed, but it becomes clearer if we consider what a stimulating effect they have had on the development of science and technology — from radio and television to cybernetic control systems, space flight and nuclear energy. The cultural significance of all these great discoveries and inventions lies not in their scientific and technical content, but their impact on human psychology of the XX-th century.

This, first, immeasurably increased the authority of the Natural Sciences and discoveries of machinery, increasing their priority in the culture, was marked by the concepts of "scientism" and "technicism". Second, it affected the strong influence of exact knowledge, and technical design on the humanitarian sphere of culture and artistic creativity which manifested in the phenomena such as structuralism, functionalism, constructivism, design, and many others. Third, increasing role of science and technology in the society led to changes in the relations of the mankind to the ways of solving conflicts between the man and nature and a man and a man, for the achieved level of equipment gave some hope for the possibility of overcoming the environmental crisis that threatens to destroy humanity, and the possibility of getting rid of new world wars and revolutionary upheavals, the possibility of a peaceful solution of all conflicts in the society by uniting humanity to address the most dangerous to the existence; however in the last century it caused the problem of the relationship between technological progress and moral values.

In scientific literature there is no clear answer to the questions: what constitutes "culture"; what are the ways and forms of its interaction with the society and the man; what should be the level of production culture; what are its functions and factors of development in modern conditions; what are the ways of its formation?

In the dictionary of the Russian language, I. Ozhegov [8] encourages us to distinguish between the general and the particular meanings of the word "culture" First: "...the totality of industrial, public and spiritual achievements of people" the Second is expressed as: "...a high level of something, high development ability. The culture of production. Culture of the voice (the singer). Physical culture (physical education). Culture of speech". "High" (level) can be understood as "geometric" (directed upwards) or "primitive" (centuries back) metaphor. But most likely the "high" level refers to the perfection of something from the point of view of the ideals of culture.

Considering the world history of culture with maximum generality, you come to the conclusion that the cognitive essence of cultural production was formed after passing two large stages of: — theocentricity and naturocentrism.

Every religious consciousness constraining freedom and creativity of the individual, subordinates it in some mythological conceptions and canons of conduct. However, naturalism, and positivist persuasion, and pseudonarcissus sociologism proved unable to solve the "problem person" because he dissolved "human, all too human", in the famous expression of Nietzsche, the essence of the natural or social matter.

The mankind today is to realize the inseparability of the culture and the man, "putting in its place" machine, no matter how useful it is for him right now and even more perfect in the future, because the only thing unable to produce a machine that is human spirituality, beyond which it was not, and there cannot be culture [9].

Formation of the man as the subject of labor. We share the opinion of E.A. Klimov [10], when it comes to use the terms "development", "formation", if to understand them correctly [11]. Sometimes development is seen as a kind of formation. It should be noted that, for example, in the works of L.S. Vygotsky the term "development" is interpreted as "cultural development", human development is thought of as "confidence" associated with "physical power" and cultural experience in interaction with people [12]. However, the term "development" may be interpreted as overestimation of spontaneous or even fatal changes. The term "formation" may encounter, in particular, the idea of the person imposing something from the outside (say, during the formative experiment). The term "formation" is more justified due to the fact that the person is the "driver" (the doer), the educator for himself. We must recognize that the human system is largely self-organizing. When someone achieved success, social status we say "he made himself". The more people are on the path of their development, the greater contribution is expected from them in this "making himself" - a worthy member of a human community. The term "formation" is more convenient: here it means a ratio of the development, formation and "making oneself" [13].

This term may have some side associations with the philosophical sense ("the deployment of the absolute idea" in Hegel's [14], [15]. But in the context of psychology and pedagogy it is given the versatility and complexity of the changes in the psyche of the subject of work as a complex system [16].

One can hardly dispute the assertion that education (particularly professional) and therefore the formation of a man as the subject of productive activity (labor) should be commensurate with culture. This is consistent with the well-known position that the content of education must be isomorphic to culture [17]. This refers to the culture, bearing the humanistic ideals.

Modern achievements of science and technology became possible as a result of society's capacity for creative activity, reaching a high intellectual level and certain positive subjective qualities in working through humanitarian culture as the primary source of educating the consciousness of the person. These qualities include: diligence, initiative, discipline, rationality, accuracy, discipline, performance, with its creative beginning, punctuality sense of responsibility, self-criticism, pride of the profession, etc.

Culture of production in a broad sense is characterized by: activities of staff aimed at raising production efficiency while using achievements of science and technology, improvement of working conditions, improvement of professional skills of workers, improving labor relations in the team/group. Requirements for the culture of production are continuously increasing, reflecting the growth of science and technology, and the development of spiritual life of the society [18].

So, the concept of culture is not simple and straightforward, but it is a complex combining technical, social, legal, psychological, physiological and other fields of knowledge that weave together technology and people. Improving the culture of production and enterprises can be carried out in such important areas as development of technique, scientific organization of labor and management and others.

References

1. Synergetic paradigm. Man and society in conditions of instability: Sat. articles / Comp. and resp. the editorship of O.N. Astafieva. Moscow: Progress-Traditsiya, 2003.
2. Sokolova G.N. Work and professional culture. Experience of sociological research. Minsk: Belarusian state University, 1980.
3. Intellectual culture of a specialist: Wed. scientific. works / Resp. edited by I. S. Ladenko. Novosibirsk: Nauka, 1988.
4. Davisville E. Engine professional's experience // the World of psychology. 1997. No. 3. P. 33-39.
5. Fonarev A.R. Psychology of the personality formation of a professional. M.: Institute of psychology RAS, 1998.
6. Zagutin D.S. the Development of culture creative activity of a personality in the regional system of vocational education Ed.: Rostizdat Rostov-on-don 2010. P. 120.
7. Kagan M.S. Philosophy of culture. – St. Petersburg, too TK "Petropolis", 1996. – p. 34

8. Ozhegov S.I. Dictionary of Russian language / Under edition of N. Yu. Shvedova. 23rd ed., Rev. M.: Russian language, 1990.
9. Zagutin D.S. Modernization of regional model of social partnership in secondary vocational educational institutions of Rostov-on-don, Ed.: Rostizdat, 2010. P.120.
10. Klimov E.A. Psychology of professional self-determination. - Rostov-on-Don. "Phoenix", 1996.
11. Russian pedagogical encyclopedia: In 2 volumes /CH. edited by V.V. Davydov. M.: Great Russian. 1993. T. I; 1999. T. II. P. 243.
12. Dictionary of L.S. Vygotsky, ed. by A.A. Leontiev. M: Meaning, 2004.
13. Biographien bedeutender Untemehmer. Eine Sammlung von Biographien. Berlin: Volk und Wissen Verlag GmbH., 1999.
14. Philosophical encyclopedic dictionary / ed. L.F. Ilchev, P.N. Fedoseyev and others, Moscow: Sov. encyclopedia, 1983.
15. Podyakov A.N. Counteraction to learning and development as psychological and pedagogical problem // problems of psychology. 1999. No. 1. P. 13-20.
16. Markov A.K. Psychology of professionalism. M.: Intern. Humanitie. Fund "Knowledge", 1996.
17. Lerner I.Y. Content of education // Russian pedagogical encyclopedia / edited by A.P. Gorkin. M.: Great Russian encyclopedia, 1999. P. 349-351.
18. Baydyuk I.F. Culture and personality (study guide) - M. : Knowledge, 1990. P. 158.

Балахова З.О.

Актуальность теории ролей в исследовании внешней политики государства

*Пятигорский государственный университет
(Россия, Пятигорск)*

doi 10.18411/scc2016-3-02

idsp 000001: scc2016-3-02

Динамично меняющаяся политическая картина современного мира выдвигает такие глобальные проблемы, как: сможет ли США отстоять свое первенство на международной политической арене? каково место России в новом мироустройстве? станет ли Китай новой сверхдержавой в XXI веке? сохранится ли Европейский союз как инструмент политической силы и влияния? Эти и другие вопросы неизбежно приводят к рассмотрению ролей, которые государства и международные институты играют на мировой арене.

Концепция «роли» первоначально получила свое развитие в социологии и подразумевает «совокупность ожиданий каждого индивида в отношении, как своего собственного поведения, так и поведения других людей при взаимодействии в определенной ситуации» [1, с. 79]. Роли различаются в зависимости от того, кто эти «другие», каковы их взаимоотношения с индивидом и в каких конкретно социальных условиях они взаимодействуют.

Наиболее цельное теоретическое обоснование понятию роли государства как категории внешней политики дано представителями школы конструктивизма. Используя заимствованную из социологии концепцию они предложили альтернативный взгляд в объяснении внешней политики государства. Центральной мыслью конструктивистов является утверждение, о том, что идеи – это составные компоненты теории и практики международных отношений. А. Вендт, новаторская фигура данного научного течения, заявлял, что «в основе интересов лежат идентичности» [13, с. 398]. Идентичность государства, к примеру, определяет его предпочтения и последующие действия. Восприятие других участников международных отношений происходит посредством идентичностей, которые государство присваивает им, в то же время воспроизводя свою собственную через ежедневные взаимодействия с ними. А. Вендт полагает, что государственные акторы, это социальные явления, соответственно, государственные и национальные интересы являются результатом их социальных идентичностей [14].

Конструктивизм вопреки реализму и либерализму, подробно рассматривающих вопросы баланса сил и значения международной торговли и демократии соответственно, акцентирует свое внимание не только на материальных, но и на дискурсивных факторах международной политической жизни. Индивиды и социальные группы обретают влияния тогда, когда могут убедить окружающих принять их идеи. Понимание своих интересов зависит от идей, которые присущи субъекту международных отношений. Конструктивисты находят абсурдным существование

некоего опознаваемого и непреложного понятия «национального интереса», который так лелеется реалистами.

И наконец, конструктивисты, убеждены, что их теоретический подход глубже подходов перечисленных школ, так как они находят объяснение происхождению явлений лежащих в основе теорий конкурентов. По их мнению, акторы международных отношений, не обладают «портфолио» интересов, независимых от социальной реальности, наоборот, осознание интересов происходит в результате осознания сложившихся ситуаций. Иногда, происходят беспрецедентные ситуации и тогда приходится придавать им значение, так же, как и в случае с интересами. А. Вендт, подчеркивает, что отсутствие ролей, «делает процесс осознания ситуаций и интересов намного более сложным, в результате чего может возникнуть замешательство актора в определении своей идентичности» [13, с. 415]. Этим заявлением А. Вендт безоговорочно признает актуальность теории ролей в изучении внешней политики государства.

Из вышесказанного можно сделать следующие выводы:

Конструктивисты утверждают, что нормативные и мыслительные процессы являются неотъемлемыми в изучении международных отношений. В то время как, реалисты подчеркивают материальную составляющую через баланс военных сил, а марксисты материальную составляющую капиталистической мировой экономики, конструктивисты считают, что убеждения, общие идеи и ценности оказывают существенное влияние на лиц принимающих внешнеполитические решения.

По мнению конструктивистов, осмысление идентичности субъекта международных отношений, играет важную роль в осмыслении его внешней политики, так как именно идентичности определяют интересы, а соответственно и поведение субъекта [9].

Несмотря на то что «роль» как категория внешней политики важна для оценки поведения государства, она не получила должного внимания в теории международных отношений. Возможно, это связано с использованием термина в различных ситуациях без достаточного теоретического осмысления. Так, к примеру, под ролью понимают политику, проводимую государством в определенном регионе (роль ЕС на Балканах), вес государства в международных делах (роль США в мире), воздействие или эффект предпринимаемых государством мер («наши действия безусловно будут играть важную роль в формировании советско-американских отношений» [2] (Джеймс Бейкер, Государственный секретарь США, 1989 г.) и наконец, данная категория может использоваться как нормативная точка зрения автора (какой должна быть роль государства «х», согласно мнению ученого).

Вдобавок, в основе понятия «роль» лежит метафора, что на наш взгляд не должно препятствовать его использованию, как в повседневной международной реальности, так и в научной среде. Значимость использования метафор в политике была отмечена рядом ученых [4]. По мнению Карин Фирке: «Метафора позволяет объяснять одни события при помощи других» [5, с. 33], благодаря чему «устанавливаются границы и содержание объемным и абстрактным событиям международных отношений» [5, с. 34]. Рассматривая метафорические высказывания о роли, которые государства играют на международной «сцене», как проявления простого красноречия, теория международных отношений всецело пренебрегает значением этого понятия для мировой политики. В силу этого, необходимо уточнить содержание термина, объяснить механизмы его функционирования в социальной жизни общества и определить связь концепции национальной роли с поведением государства.

Исходя из личностного определения понятия «роль», роль нации это ожидаемое поведение государств на международной арене. Однако ожидание это не «парящее свободно» [10] качество объекта, оно должно быть зафиксировано в определенной форме, чтобы иметь возможность передавать представления о должном поведении акторов в определенной ситуации. Не смотря на то, что невозможно определить точный сценарий развития событий в пьесе мировая политика, исследователи, нацеленные на использование термина, выдвинули ряд гипотез относительно того в каком виде существует ожидаемое поведение актора. По мнению К. Холсти, ожидания закреплены на когнитивной уровне у лиц, принимающих решения, и могут оцениваться регулярно через призму их высказываний [6]. М. Барнетт, полагает, что международные

институты наравне с государственными, наделяют актора ролью [3], а для представителей неореализма К. Уолтца и А. Вендта сама структура международной системы характеризуется встроенными в нее ролями, как, к примеру, роль «эгоистичного государства» в анархичной среде.

Впервые попытку перенести теорию ролей в плоскость внешней политики предпринял К. Холсти в 1970 г. в своей работе «Концепция национальной роли в изучении внешней политики». Он выделили три основные категории ролей: «концепция роли», «ролевое исполнение» и «ролевое ожидание» [6].

Ключевым понятием для теории ролей является «концепция роли», которая подразумевает «собственные представления лиц принимающих решения относительно того, какие обязательства берет на себя государство, какие действия оно предпринимает, по каким правилам существует и какие функции оно выполняет на постоянной основе в международной или региональной системе» [6, с. 245 - 246]. Данное определение впоследствии стало широко распространённым в научных кругах. Так, У. Кротц, спустя 30 лет определил «концепцию роли» как «общепринятые внутри государства взгляды относительно подходящей роли и целей государства, как социальной общности, на международной арене» [7, с. 6].

«Концепция роли» наделяет внешнюю политику целью и содержанием. Она отражает представления субъекта международных отношений относительно своего места, позиции и поведения в данной социальной реальности. По мнению А. Вендта, «концепция роли» включает в себя социальную идентичность актора, так же как поведение и восприятие окружающих [14].

«Концепции роли» по своей сути конкуренты, так как роль и ее исполнение тесно связаны с ролью других акторов. Данное обстоятельство накладывает серьезные ограничения на поведение, статус, а иногда и на само существование других акторов [11]. В этом контексте в Евросоюзе прозвучал серьезный сигнал. Основной причиной результатов референдума в июне 2016 года о выходе Великобритании из ЕС стала именно попытка жесткого администрирования из Брюсселя. Англичане как исторически цивилизованная и мощная нация почувствовали поползновения на суверенитет страны и адекватно отреагировали на возникающую угрозу.

«Ролевое исполнение» подразумевает «внешнеполитическое поведение государств, включая модель принятия решений, обязательства и ответные реакции по отношению к другим странам» [6, с. 246]. Другими словами, это комплекс действий правительства, направленных на реализацию само - утверждённой национальной роли. При этом, Дж. Мид подчеркивает, что количество исполненных ролей увеличивает социальный вес и влияние актора при взаимодействии с другими субъектами [8]. И наоборот, отсутствие исполненной роли или набора ролей, отрицательно сказывается на процессе самоидентификации актора международных отношений.

И наконец, «ролевое ожидание» по К. Холсти, это «нормы и предписания которые общество, социальные институты и группы приписывают окружающим» [6, с. 250]. Общепринятые представления о структуре международной системы, ценностях, правилах и традициях могут служить источниками «ролевого ожидания». В сущности, данной концепции заключен потенциальный конфликт, между внутренними и индивидуальными ожиданиями актора относительно того какова должна быть его роль, и ожиданиями внешней среды.

С. Уолкер и С. Симон, дополнили теорию ролей еще одним аналитическим инструментом – концепцией «множества ролей» [12], под которой понимается совокупность всех акторов и множество их ролей в системе. Динамичная и взаимозависимая международная система, по мнению авторов, формируется благодаря совокупности взаимных ожиданий.

Исследования К. Холсти доказывают, что государственные акторы зачастую могут исполнять несколько ролей одновременно в международной системе и ее подсистемах. В связи с этим, государство применяет различные модели внешнеполитического поведения. К. Холсти выделил ряд ролей, исполняемых государством, среди которых: «преданный союзник», «региональный сотрудник», «защитник веры», «посредник», «уравнитель», «гражданское государство» и «признанный член международного сообщества». Эти роли способствуют

формированию национальной концепции роли, как совокупности норм, отражающих ожидаемое внешнеполитическое поведение.

С другой стороны, некоторые исследователи полагают, что внешняя политика государства движима единственной исторически сложившейся ролью (видением национальной миссии), которая является относительно стабильным и последовательным во времени и обстоятельствах явлением. Данная точка зрения о единичной роли государства на международной арене является доминирующей, но оспаривается за чрезмерное обобщение. Однако, такой подход, позволяет проследить и объяснить модель поведения государства в долгосрочной перспективе, а также выявить единство во взглядах политиков относительно будущего страны.

Концепция роли и ее реализация не только формирует убеждения относительно других акторов и самой международной системы, она так же является фильтром через который поступает и интерпретируется информация как о самом государстве, так и о его окружении. Именно через призму роли могущественного государства, поборника моральных принципов и прав человека США принимало решение о вторжении во Вьетнам. Данная роль подтверждала американскую политику, убеждала в оправданности ее действий и выражала необходимость наказания несогласных с ней.

Для того чтобы исполнять роль, государству необходимо убедить других участников международных отношений в своей способности ее выполнять, через адаптацию своих принципов и модели поведения под конкретную роль. К примеру, для исполнения роли посредника в международных отношениях, государство должно соответствовать таким идеалам как беспристрастность, справедливость и нейтралитет.

Реализация своей роли на международной арене, позволяет государству внести ясность во внешнеполитические шаги в будущем, выработать подходящую для себя роль, определить для нее правильное время и место, выяснить особенности восприятия роли остальными странами. В свою очередь, от того насколько точно окружающими оценивается ролевое поведение субъекта будет зависеть правильное прогнозирование внешней политики государства и его ролевых схем.

Список используемых источников информации

1. Захараш, Т. Б. Психология общения: учебное пособие / Т. Б. Захараш; Моск. ун-т им. С. Ю. Витте. Филиал в г. Ростове-на-Дону. – М.: ЧОУВО «МУ им. С.Ю. Витте», 2013. – 116 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://donmetodist.ru/our_publications/Zaharash2.pdf.
2. Baker, J. Moscow's New Thinking Should be Tested / J. Baker // Address before the Centre for Strategic and International Studies. – Washington: US Information Service. USIS. – Euro 504; 3/30/90.1989.
3. Barnett, M. Institutions, Roles, and Disorder: The Case of the Arab States System / M. Barnett // International Studies Quarterly 37. – 1993. – pp. 271 – 296.
4. Chilton, P. Security Metaphors: Cold War Discourse from Containment to Common European House. -New York: Peter Lang, 1996; Fierke, Karin M. Changing Games, Changing Strategies: Critical Investigations in Security. - Manchester: Manchester University Press, 1998; Little, R. The Balance of Power in International Relations. -Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
5. Fierke, K. M. Changing Games, Changing Strategies: Critical Investigations in Security. - Manchester: Manchester University Press, 1998.
6. Holsti, K. J. National Role Conceptions in the Study of Foreign Policy / K. J. Holsti // International Studies Quarterly. – 1970. – Vol. 14, No. 3. – pp. 233–309.
7. Krotz, U. National Role Conceptions and Foreign Policies: France and Germany Compared // Program for the Study of Germany and Europe - Working Paper. –2002. Vol. 2, No. 1.
8. Mead, G. H. Mind Self and Society from the Standpoint of a Social Behaviorist. Edited by Charles W. Morris. Chicago: University of Chicago 1934.
9. Reus-Smit, C. Constructivism in Burchill, S., Theories of International Relations (3rd edition). - Houndmills: Palgrave Macmillan, 2005. - pp. 196 – 201; Hopf Ted. The Promise of Constructivism in International Relations Theory // International Security. – 1998. - Vol. 23, No. 1. - pp. 171 - 200;
10. Risse – Kappen, T. Ideas do not float freely: Transnational Coalitions, Domestic Structures and the End of the Cold War // International Organization. – 1994. – Vol. 48, 2.
11. Stryker, S. Traditional Symbolic Interactionism, Role Theory, and Structural Symbolic Interactionism. The Road to Identity Theory, in: Turner, Jonathan (Ed.): Handbook of Sociological Theory. - New York: Springer 227, 2006.
12. Walker Stephen, G., Simon, Sheldon W. Role Sets and Foreign Policy Analysis in Southeast Asia. In: Walker, Stephen G. (ed.): Role Theory and Foreign Policy Analysis. Durham: Duke University Press, 1987. p. 141-159.
13. Wendt, A. Anarchy is What States Make of It // International Organization. – 1992. - Vol. 42, No. 2. - p. 391 – 425.
14. Wendt, A. Collective Identity Formation and the International State // American Political Science Review 88: 2. - 1994. - p. 384 - 396.

Бембель С.Р.

Характер проявления локальных сейсмических аномалий и продуктивность залежей нефти и газа в Западной Сибири

*Тюменский индустриальный университет
(Россия, Тюмень)*

doi 10.18411/scc2016-3-03

idspl 000001: scc2016-3-03

Serge R. Bembel,

Character displays local seismic anomalies and productivity of oil and gas fields in Western Siberia

Abstract: The article describes the results of a comprehensive analysis of seismic data, core analysis and well testing, concluded that local manifestations of geodynamics in the form of seismic anomalies and their relation to productivity areas and deposits of oil and gas fields.

Keywords: deposits of oil and gas, seismic, geological and production data, well productivity, local manifestations of Geodynamics.

Аннотация: В статье рассмотрены результаты комплексного анализа материалов сейсморазведки, исследования керна и опробования скважин, сделан вывод о локальных проявлениях геодинамики в виде сейсмических аномалий и их связи с продуктивностью участков залежей и месторождений нефти и газа.

Ключевые слова: залежи нефти и газа, сейсморазведка, геолого-промысловые данные, продуктивность скважин, локальность проявления геодинамики.

Разработка крупных и средних высокопродуктивных залежей нефти и газа Западной Сибири ведется несколько десятков лет. Большинство месторождений находятся на стадии падения добычи и довыработки остаточных запасов. Исследования пространственной структуры и выявление закономерностей строения сложностроенных залежей нефти и газа, их взаимосвязи с механизмами седиментации, локальной геодинамики и формированием мозаичной структуры коллекторских свойств открывают большие перспективы в повышении рентабельности и коэффициента нефтеотдачи на вводимых в разработку сложных месторождениях, что позволит существенно увеличить и прирост запасов за счет малоразмерных месторождений и залежей, а также поиска закономерностей размещения на открытых месторождениях наиболее продуктивных участков в плане и разрезе. Размеры подобных объектов и залежей могут не превышать первых сотен метров.

Геологическая характеристика района исследований. Площадь исследований расположена в центральной части Фроловской мегавпадины, на Сынъеганской террасе, отделяемой на западе от Красноренского свода Елизаровским прогибом. Геологический разрез сложен терригенными песчано-алеврито-глинистыми отложениями мезозойско-кайнозойского возраста, залегающими на доюрском фундаменте. Фундамент представлен глинисто-туфогенными породами, андезито-базальтами, порфиритами. На исследуемой территории имеется целая сеть разломов северо-западного и северо-восточного простирания.

В пределах двух соседних месторождений на площади исследований основные запасы нефти связаны с залежами пластов Ю2-3 (тюменской свиты, средняя юра) и АС5 (фроловская свита, нижний мел). Основной тип залежей - пластово-сводовые (Ю2-4) и литологически экранированные (АС5). Данные опробования и эксплуатации скважин показали очень локальный характер распределения высокопродуктивных участков по площади залежей, введенных в опытно-промышленную разработку. Так, из 20 скважин объекта Ю2-3 только в трех скважинах начальные дебиты нефти достигали от 25 т/сут до 70 - 100 т/сут. В остальных скважинах дебит не превышал 3 – 5 т/сут. Расстояние между эксплуатационными скважинами составляет не более 400 метров.

Цели и методы исследований. В качестве исходных материалов для проведения комплексной оценки перспектив нефтегазоносности территории исследований

послужили данные по опробованию скважин, результаты обработки и интерпретации 2D и 3D сейсморазведочных исследований МОГТ, промыслово-геофизические данные, результаты описания и исследования керна.

С целью поиска закономерностей распределения продуктивных участков содержания углеводородов на основе имеющихся геолого-промысловых данных выполнен комплексный анализ и интерпретация материалов 2D и 3D сейсморазведки. На временных разрезах выявлены наиболее активные участки проявления геодинамики во время и после формирования геологического разреза территории – так называемые зоны деструкции горных пород [2], связанные с локальными выступами доюрского основания и имеющие субвертикальное направление. Преобладающий поперечный размер выявленных зон деструкции составляет 150 - 250 м (по материалам 3D) и 250-500 м (по материалам 2D сейсморазведки). Их проявление прослежено от кровли доюрского основания до отражающих горизонтов нижнего мела.

По результатам анализа материалов детального послойного литологического описания кернового материала в ряде скважин территории исследования выделены трещиноватые образцы в разных интервалах геологического разреза, включающих отложения от палеозойских, юрских до нижнемеловых. Местоположение отбора керна и положение скважин сопоставлено по площади исследованной территории с временными разрезами по результатам работ 2D и 3D сейсморазведки, выделенными очагами проявления локальной геодинамики. Весь описанный материал детального послойного литологического описания керна с признаками трещиноватости совпадает с участками выделенных зон деструкции горных пород. Кроме того, есть примеры, показывающие наличие трещиноватых образцов керна в нижнемеловом интервале разреза, где на временных разрезах даже нет признаков видимых нарушений. Однако выявленные положения локальных очагов зон деструкции по нижележащим горизонтам и интервалам вполне однозначно коррелируются с этими участками в плане.

Результаты исследований и их обсуждение. Выполненные работы по анализу сейсмических материалов 2D и 3D МОГТ на исследуемой площади двух нефтяных месторождений, данных опробования скважин, описания керна позволили предположить существование здесь весьма локальных в плане (размерами до 150-500 м) высокопродуктивных очагов нефтеносности с высотой от верхней части палеозойских отложений до верхней юры. Высокопродуктивные участки связаны с очагами субвертикальных зон деструкции горных пород, проявляющихся на временных сейсмических разрезах различными аномалиями сейсмического поля, приуроченными к локальным выступам доюрского основания, часто с разрывными нарушениями. Трещиноватость горных пород в таких зонах подтверждена результатами описания керна по скважинам [3].

На основе представлений о фрактальности природных объектов, наиболее вероятным будет абстрактное представление о таких участках как субвертикальных «древоподобных» телах с наиболее проницаемым (с учетом трещиноватости) для газо- и флюидомиграции центральным «стволовым каналом» в наиболее деструктированной его части и «второстепенными» субвертикальными каналами меньших диаметров. Основной поток и «подпитка» для формирования и заполнения ловушек углеводородами приходится на центральный канал. Более мелкие каналы обладают худшими фильтрационно-емкостными свойствами. Определяющую роль при формировании таких зон деструкции горных пород играет геодинамическая активность геосферы.

Следствием такого строения является латерально локальный характер проявления высокопродуктивных участков. Картировать подобные участки вполне реально, имея на вооружении концепции геодинамики [2 – 4].

По результатам сейсморазведочных работ 3D были получены материалы, подтверждающие крайне локальный характер проявления эндогенных геодинамических процессов на этой территории.

Подтверждением потенциально высокой продуктивности одновременно с очень локальными размерами выделяемых участков служат результаты проведенных геолого-технических мероприятий по забурированию на одном из участков бокового ствола и проведением ГРП, в результате чего получен дебит нефти до 90 т/сут.

Заключение. Геодинамический подход к изучению осадочных бассейнов в региональном и локальном масштабе на протяжении последних трех десятилетий значительно изменил представления об их строении, эволюции и нефтегазоносности. Палеогеодинамическая обстановка осадконакопления обуславливает вещественный состав пород, тип, количество и условия захоронения органического вещества. Последующие геодинамические режимы влияют на генерацию, миграцию, аккумуляцию и сохранность нефти и газа, тип ловушек, эволюцию пород коллекторов и покрышек природных резервуаров, что определяет геологические ресурсы углеводородного сырья.

Наиболее продуктивные участки уже открытых залежей и месторождений также приурочены к наиболее активным очагам проявления геодинамики, с которыми связаны зоны деструкции, картируемые на материалах сейсморазведки. По результатам работ составлено представление о моделях формирования залежей нефти на площади работ, предложены основные закономерности размещения высокодебитных очагов, определены направления по дальнейшему уточнению геологического строения территории и перспектив ее нефтеносности.

Список используемых источников информации

1. Бембель Р.М., Мегеря В.М., Бембель С.Р. Геосолитоны: функциональная система Земли, концепция разведки и разработки месторождений углеводородов. – Тюмень: Вектор Бук, 2003. – 344 с.
2. Бембель С.Р. Особенности проявления современной локальной геодинамики в западной части ХМАО-Югра, их связь с очагами нефтегазонакопления // Геология нефти и газа, 2010. №4. – С.8–12.
3. Бембель С.Р. Разведка локальных залежей углеводородов на основе их взаимосвязи с геодинамикой среды в Среднем Приобье // Нефтяное хозяйство, 2013. №12. – 90–94.
4. Глобальные и региональные неравномерности формирования и распространения ресурсов и скоплений углеводородов и механизмы процессов нефтегазонакопления / Валяев Б.М., Астафьев Д.А., Кузин А.М., Павленкова Н.И. и др. // Георесурсы. Геоэнергетика. Геополитика. Электронный научный журнал. ИПНГ РАН, Вып. 2(6), 2012. [Электронный ресурс] http://oilgasjournal.ru/vol_6/valyaev.html.

References

1. Bembel' R.M., Megerja V.M., Bembel' S.R. Geosolityny: funkcional'najasisistemaZemli, koncepcijarazvedki i razbotkimestorozhdenijuglevodorodov. – Tjumen': VektorBuk, 2003. – 344 s.
2. Bembel' S.R. Osobnostiprojavlenijasovremennojlokal'nojgeodinamiki v zapadnojchasti HMAO-Jugra, ihsvjaz' s ochagamineftegazonakoplenija // Geologijanefti i gaza, 2010. №4. – S.8–12.
3. Bembel' S.R. Razvedkalokal'nyhzalezhejuglevodorodovnaosnoveihvzaimosvyazi s geodinamikojsredy v SrednemPriob'e // Neftyanoehoz'yajstvo, 2013. №12. – 90–94.
4. Global'nye i regional'nyeneravnostiformirovanija i rasprostraneniजारesurovov i skoplenijuglevodorodov i mehanizmyprocessovneftegazonakoplenija / Valjaev B.M., Astaf'ev D.A., Kuzin A.M., Pavlenkova N.I. i dr. // Georesursy. Geojenergetika. Geopolitika. Jelektronnyjnauchnyjzhurnal. IPNG RAN, Vyp. 2(6), 2012. [Jelektronnyjresurs] http://oilgasjournal.ru/vol_6/valyaev.html.

Ганиева Ш.Ш.

Энзимотерапия при синдроме раздраженного кишечника у женщин фертильного возраста

*Бухарский Государственный Медицинский институт
(Узбекистан, Бухара)*

doi 10.18411/scc2016-3-04

idsp 000001: scc2016-3-04

Во всем мире синдром раздраженного кишечника (СРК) рассматривается как тяжелое социально-экономическое бремя, приводящее в силу своей высокой распространенности к снижению производительности труда, увеличению прямых и косвенных медицинских расходов, а также к значительному снижению качества жизни, как самого больного, так и его близких [8]. Согласно одному из последних мета-анализов, СРК страдают 11,2% популяции мира. Женщины страдают СРК в 1,5–3,0 раза чаще, чем мужчины [3]. До 50 % пациентов с СРК – это лица младше 35 лет [15]. Сметные косвенные и прямые затраты здравоохранения, связанные с СРК в США, неуклонно растут и по состоянию на 2003 г. составляли 1,35 млрд долл. [12]. В мире эти затраты, по оценкам специалистов, превышают 200 млрд долл. США [16].

Сегодня известны и продолжают находить свое обоснование гипотезы, связанные с генетической предрасположенностью, постинфекционной природой синдрома, связью с синдромом избыточного бактериального роста, определенными диетами с высоким риском развития СРК [1, 9, 13].

Одним из изучаемых патогенетических звеньев СРК является выявление взаимосвязей с нарушениями иммунологической защиты. Так, по данным ряда авторов, нередко отмечается снижение уровня иммуноглобулинов, преимущественно класса IgG, у больных с СРК. [5]. Установлено, что в биоптатах слизистой оболочки таких больных повышен уровень провоспалительного цитокина интерлейкина-1b в сравнении с пациентами, у которых после перенесенной кишечной инфекции СРК не формировался [7,11]. У этих же групп пациентов выявлено увеличение количества клеток хронического воспаления и CD3+–лимфоцитов в собственной пластинке слизистой оболочки толстой кишки [17,20]. В исследованиях отмечена большая доля доказанных случаев IgE-зависимых реакций, как с помощью изучения специфических IgE, так и скарификационных проб, которая составила 19,4%. Авторам удалось получить достоверную разницу в частоте положительных скарификационных реакций на одни и те же пищевые аллергены в сравнении со здоровыми лицами. Однако, они оставляют вопрос по atopическому механизму развития СРК открытым, так как не получено уверенное различие с другими заболеваниями желудочно-кишечного тракта (ЖКТ) [18].

В реализации гиперчувствительности кишечника к пище могут принимать участие не только IgE-антитела, но и специфические IgG. Наиболее часто указывается рост специфических антител к различным пищевым продуктам, а также выработка диетических принципов для пациентов с СРК. [6]. У ряда больных с аллергической патологией выявляются хронические очаги инфекции, рецидивирующие кожные инфекции. При иммунологическом обследовании у некоторых больных обнаруживаются иммунные дисфункции, проявляющиеся дисиммуноглобулинемией, снижением фагоцитарных функций, продукции ИФН-γ [4, 5]. С этих позиций в значительной мере является оправданным применение иммуномодулирующих средств, которые способствуют ускорению обратного развития бактериальной инфекции, снижают частоту интеркуррентных острых респираторных заболеваний и обострений аллергических болезней [7,8,10,14].

Системная ферментотерапия Вобэнзимом основан на комплексном терапевтическом воздействии целенаправленно составленных смесей гидролитических ферментов растительного и животного происхождения. Вобэнзим представляет собой эффективное иммуномодулирующее, противовоспалительное, фибринолитическое и противоотечное средство, которое нормализует агрегационную активность тромбоцитов путем снижения продукции тромбосана или прямого блокирования АДФ-индуцированной агрегации, уменьшает влияние молекул адгезии, а также повышает способность эритроцитов изменять свою форму [2]. Снижая вязкость крови, ферменты улучшают кровоснабжение органов и тканей и соответственно их трофику[19].

Цель исследования: изучение эффективности применения иммуномодулирующего препарата – Вобэнзима в комплексной терапии синдрома раздраженного кишечника.

Материалы и методы: на базе Бухарского многопрофильного медицинского центра г.Бухары были обследованы 110 женщин фертильного возраста. Всем больным были проведены обще-клинические, биохимические, иммунологические, функциональные (ЭКГ, УЗИ, рентгенография) и ИФА методы исследования. Больные были в возрасте от 18-до 45 лет. Контрольную группу составили 30 здоровых женщин. Диагноз верифицирован согласно МКБ-10. При уточнении диагноза были изучены наличие триггерных факторов возникновения симптоматики заболевания (генетическая предрасположенность, перенесенные кишечные инфекции, вредные привычки, характер питания, психосоциальные факторы, экологические факторы, экстрагенитальные заболевания, патологическое течение беременности, тяжелые гестозы, соматические заболевания).

Согласно общепризнанным представлениям, при постановке диагноза и разделении больных на типы СРК мы руководствовались Бристольской шкалой формы

стула, использовали типы 1-й и 2-й форм стула для идентификации запора и типы 6-й и 7-й форм стула – для идентификации диареи [10,13].

Согласно диагностическим критериям и сочетания разных клинических симптомов патологии ЖКТ выделили три основных клинических форм СРК: (А) с преобладанием запоров, (В) поносов и (С) болей в животе и метеоризма.

Во всех случаях СРК было характерно его сочетание с другими заболеваниями ЖКТ и аллергии. Так, из всех обследованных больных с СРК в 10,9% случаев выявлен хронический холецистит (ХХ), у 9 (8,2%)- хронический гепатит (ХГ), у 12 (10,9%) - язвенная болезнь желудка и 12 перстной кишки (ЯБ), 14 (12,7%)- хронический гастродуоденит (ХГД), у 22-хбольных (20%)- дисбактериоз, у 13(11,8%)- атопический дерматит (АД), и у 28 (25,5%) больных –пищевая аллергия (ПА).

Следует указать характер клинических вариантов СРК при коморбидности. Так при СРК на фоне АД и ПА наблюдается преобладание запоров, а при СРК с ХХ, ХГ, дисбактериозом, ХГД и ЯБ- преобладают боли в животе, метеоризм, частые позывы к дефекации и чувства неполного опорожнения. В наблюдаемой группе больных при коморбидности преобладают А и С варианты клинических форм СРК. Энзимотерапию получили 38 больных, из них- 8 больные СРК с атопическим дерматитом (АД), 18 больные СРК с хроническим холециститом (ХХ) и 12-больные СРК с пищевой аллергией (ПА). Вобэнзим назначали по 2 таблетки 3 раза в день, курс лечения составлял 3 месяца.

Обсуждение: Больных получающих энзимотерапию с Вобэнзимом распределили на 3 группы: 1 группа больных СРК с АД- 8 человек; 2-группа больных СРК с ХХ-18 человек; 3 группа больных СРК с ПА-12 человек.

Изучены параметры иммунитета до и после 3 месяцев энзимотерапии на базе комплексной терапии основного и сопутствующего заболевания. В результате выяснились некоторые положительные изменения в динамике как на уровне клеточного и гуморального, так и на уровне цитокинового статуса у больных группы наблюдения (табл. 1).

Анализ результатов иммунограммы крови больных с СРК выявил достоверное снижение числа CD3+, CD4+ -лимфоцитов, абсолютных значений CD8+-лимфоцитов, фагоцитоза и ИНФγ, на фоне достоверно высоких цифров CD20+, CD23+, CD25+, CD95+-лимфоцитов и HLA-DR+ , циркулирующих иммунных комплексов (ЦИК) и IL-4 во всех группах наблюдения в условиях коморбидности. Концентрация CD8+-лимфоцитов (в %) в группе больных СРК с ХХ (P<0,05) и ПА была меньше чем в контроле. А при СРК с АД их число было недостоверно больше чем в контроле.

Абсолютное значение CD16+-лимфоцитов во всех группах было больше чем в контроле.

Таблица 1.

Показатели иммунограммы у больных под влиянием препарата Вобэнзим (M±m)

Показатели	Контроль-ная группа n=30	группа СРК с АД n=8		группа СРК с ХХ n=18		группа СРК с ПА n=12	
		До лечения n=13	После, n=8	До лечения n=18	После, n=18	До лечения n=28	После, n=12
CD3, %	52,0 ± 1,0	47,0±1,3*	49,0 ± 1,3	43,5± 1,8*	47,7± 1,2*	38,3± 2,3*	44,3± 0,8**
CD3+, абс	780 ± 27	680 ± 23*	702 ± 21*	657 ± 27*	710±22*	675 ± 23*	703 ± 18*
CD4, %	32,4 ± 0,5	23±1,0*	29,2± 1,6**	23,7± 1,2*	27,5± 1,4**	29,4±0,9*	30,5 ± 1,2
CD4+, абс	521 ± 21	480 ± 22	495 ± 23	500 ± 32	511±28	435 ± 32*	444 ± 22*
CD8, %	21,0 ± 0,8	23± 0,8	20,2 ± 1,2	17,0±1,2*	19,0± 0,8	17,8±1,5	19,3 ± 1,2
CD8+, абс	372 ± 13	300± 11*	284 ± 3,5*	232±28*	244±13*	238± 12*	248 ± 12*
CD16+, %	16,4 ± 1,0	9,5 ± 1,4*	8,1 ± 0,6*	21,4 ± 1,8*	17,7± 1,8	18,4 ± 0,8	17,2 ± 0,8
CD16+, абс	182 ± 9,0	187±13,0	122±5,5**	221± 7,0*	188± 7,0**	198 ± 7,0	188 ± 7,0
CD20+, %	25,4 ± 0,8	43,4± 1,3*	38,4± 1,2**	32,2± 2,3*	28,8± 1,2*	28,8± 1,2*	25,2 ± 0,8**
CD20+, абс	438 ± 12	678 ± 28*	552±28**	502 ± 18*	482±11*	441 ± 12	438 ± 12
CD23+, %	9,4 ± 0,3	11,4± 0,9*	14,2± 0,8**	13,7± 1,3*	14,0±0,5*	12,2± 0,8*	14,7±1,2*
CD23+, абс	145 ± 3,0	575±11,0*	378± 9,0**	234 ± 6,0*	221±6*	165 ± 5,0	139 ± 3,0**
CD25, %	16,0 ± 1,4	21,1± 1,7*	18,5±1,8	22,0± 1,7*	20,8± 1,0*	23± 1,3*	19 ± 1,2**
CD25абс	260 ± 16	345 ± 16*	318± 11*	355 ± 22*	316± 17*	340 ± 22*	280± 13**

CD95, %	22,0 ± 1,0	38,5±1,5*	35,2±0,8*	34,5± 1,2*	32,4± 1,8*	30,3± 0,5*	27,2± 1,0**
CD95, abc	380 ± 11	482 ± 21*	462± 18*	400 ± 22	392± 21	450 ± 25*	441 ± 22*
HLA-DR ⁺ , %	22,0 ± 0,8	32,2± 1,1*	24,5± 0,7**	32,0± 1,0*	28,0± 0,8**	27,6± 0,5*	25 ± 1,0**
HLA-DR, abc	440 ± 11	457± 19	449± 18	487 ± 13*	451± 11**	461 ± 18	438 ± 13
IgG	480 ± 13	455±11,0	475±6	548± 8,0*	480±9**	521± 4,0*	478±3,0**
IgA	110 ± 2,1	128 ± 2,6*	110±1,3**	118 ± 2,4*	132±1,8**	88 ± 3,2*	108±2,2**
IgM	92 ± 3,5	68,0± 1,3*	88± 1,6**	138 ± 4,8*	121±5,6**	98,5± 2,8	94,0± 2,6
IgE	22,0 ± 1,2	180±21,0*	156±17,0*	25,5±1,4	21,0± 1,5**	250±21,1*	168±3,2**
Fag	48,0 ± 1,3	44,5± 1,6	47,4± 1,3	38,4± 1,8*	44,3±1,2**	42,7 ±1,3*	46,3± 1,2**
ЦИК	40,0 ± 1,5	54,0± 1,8*	51,0±1,3*	48 ± 1,5*	44 ± 1,7	46,0 ±1,4*	43± 1,5
ИНФγ	110 ± 1,3	64,5±2,2*	69,8±2,1*	78,5±3,2*	83,5± 2,9*	84,6±2,8*	92 ± 2,4**
ИЛ-4	2,6 ± 0,6	3.2±0,8	2,9±0,8	3,7±1,1	3,5±1,0	3,6±1,6	3,4 ± 0,8

Примечание: * Значения достоверны по отношению к контрольной группе ** Значения достоверны по отношению к группе до лечения (P<0,05 - 0,001)

Анализ значений иммуноглобулинов крови показал, что при СРК с АД наблюдается уменьшение число IgG, IgM, и достоверное повышение концентрации IgA и IgE. Для СРК с ХХ характерно достоверное повышение концентраций иммуноглобулинов класса G, A, M (P<0,05), а Ig E- на уровне контрольных значений. При СРК с ПА наблюдается достоверное повышение концентрации иммуноглобулинов G и E (P<0,05), уменьшение IgA (P<0,05). При этом уровень IgM остается на уровне контрольных значений.

В динамике лечения с включением Вобэнзима в группе СРК с АД наблюдались достоверные изменения в содержании CD4⁺, CD16⁺, CD20⁺, CD23⁺лимфоцитов, HLA-DR⁺, а также в содержании иммуноглобулинов A и M. Эффективность Вобэнзима в группе СРК с ХХ проявилась в содержании CD4⁺, CD16⁺лимфоцитов, HLA-DR⁺, а также иммуноглобулинов G, A, M и E и фагоцитоза. Максимальная терапевтическая эффективность энзимотерапии проявилась в группе СРК с ПА: достоверные положительные изменения в концентрациях CD3⁺, CD20⁺, CD23, CD25⁺, CD95⁺лимфоцитов, HLA-DR⁺, а также в содержании иммуноглобулинов G, A, E, фагоцитоза и ИНФγ.

Положительная динамика в результате энзимотерапии наблюдалась в отношении субпопуляционного состава Т-лимфоцитов - Т-хелперов /индукторов (CD4⁺) в группах СРК с АД и ХХ, и изменения носили достоверный характер.

Применение Вобэнзима во всех группах больных с СРК оказало положительное влияние на содержание Т-супрессоров/цитотоксических лимфоцитов (CD8⁺). А также способствовало снижению числа CD20⁺ клеток в группе СРК с АД и ПА - 38,4± 1,2 против 43,4± 1,3%; 25,2 ±0,8 % против 28,8± 1,2% , соответственно. Абсолютные показатели достоверно изменились в группе СРК с АД (P<0,05). Число лимфоцитов с рецептором к IgE - CD23⁺-клетки- достоверно снизилось в группах СРК с АД и ПА (P<0,01). У больных СРК с ПА способствовало достоверному снижению количества клеток как ранней активации - CD25⁺-лимфоцитов - 19,0 ± 1,2% против 23,0 ± 1,3% (P<0,05), так и CD95⁺- клеток, несущих маркер апоптоза- 27,2± 1,0% против 30,3 ± 0,5%(P<0,05).

Уровень экспрессии CDHLA DR достоверно снизился во всех группах больных с СРК (P<0,05).

Фагоцитарная активность нейтрофилов, подавленная у больных с СРК в результате проведенного лечения Вобэнзимом повысилась. В среднем она составила при СРК с ХХ - 44,3± 1,2% против 38,4± 1,8% (P<0,05), при СРК с ПА - 46,3± 1,2% против 42,7 ± 1,3(P<0,05), при СРК с АД фагоцитарная активность нейтрофилов имела тенденцию к повышению.

В динамике энзимотерапии уровень ЦИК снизился во всех группах наблюдения. Уровень ИНФγ в группе больных СРК с ПА был достоверно повышен (P<0,01). Повышенный уровень ИЛ-4 во всех группах после энзимотерапии с Вобэнзимом снизился до контрольных значений.

Таким образом, при СРК в условиях коморбидности, в частности при СРК с АД, ХХ и ПА наблюдаются изменения параметров клеточного и гуморального иммунитета

крови. Наблюдаемый иммунологический дисбаланс является основанием для применения препаратов, обладающих иммунокорригирующим действием.

Комплексное лечение СРК с энзимотерапией Вобэнзимом позволяет достижения как клинического, так и лабораторного эффекта в виде уменьшения клинических симптомов СРК и нормализации клеточных, гуморальных и цитокиновых параметров иммунитета.

Список используемых источников информации

1. Agafonova N.A., Yakovenko E.P., и др. Патогенетические подходы в лечении синдрома раздраженного кишечника // Лечащий Врач. 2011. № 7. С. 10–14.
2. Ardatskaya M.D. Синдром раздраженного кишечника. Клиническая лекция // Consilium Medicum. 2010. Т. 12. № 8. С. 48–54.
3. Atkinson W, Sheldon TA, Shaath N, Whorwell PJ. Food elimination based on IgG antibodies in irritable bowel syndrome: a randomised controlled trial. //PubMed.gov 2004 Oct;53(10):1459-64.
4. Barbara G., De Giorgio R., Stanghellini V., et al. New pathophysiological mechanisms in irritable bowel syndrome. Aliment Pharmacol. Ther. 2004;20(Suppl 2):1–9.
5. Bueno L., Fioramonti J., Garcia-Villar R. Pathobiology of visceral pain: molecular mechanisms and therapeutic implications. III. Visceral afferent pathways: a source of new therapeutic targets for abdominal pain. Am. J. Physiol. Gastrointest Liver Physiol. 2000; 278:G670–76.
6. Canavan C., West J., Card T. The epidemiology of irritable bowel syndrome. Clin. Epidemiol. 2014;6:71–80.
7. Collins S.M. A case for an immunological basis for irritable bowel syndrome. Gastroenterology 2002; 122: 2078–80.
8. Drossman D.A. The Functional Gastrointestinal Disorders and the Rome III Process. Gastroenterology 2006;130(5):1377–90.
9. Grundmann O., Yoon S.L. Irritable bowel syndrome: epidemiology, diagnosis and treatment: an update for health-care practitioners. J. Gastroenterol. Hepatol. 2010;25:691–99.
10. Gunnarsson J., Simren M. Peripheral factors in the pathophysiology of irritable bowel syndrome. Dig. Liver Dis. 2009;41:788–93.
11. Inadomi J.M., Fennerty M.B., Bjorkman D. Systematic review: the economic impact of irritable bowel syndrome. Aliment. Pharmacol. Ther. 2003;18:671–82.
12. Katiraei P., Bultron G. Need for a comprehensive medical approach to the neuro-immuno-gastroenterology of irritable bowel syndrome. World J. Gastroenterol. 2011;17:2791–2800.
13. Lee Y.J., Park K.S. Irritable bowel syndrome: emerging paradigm in pathophysiology. World J. Gastroenterol. 2014;20(10):2456–69.
14. Lovell R.M., Ford A.C. Global prevalence of and risk factors for irritable bowel syndrome: a meta-analysis. Clin. Gastroenterol. Hepatol. 2012;10(7):712–21
15. McFarland L.V. State-of-the-art of irritable bowel syndrome and inflammatory bowel disease research in 2008. World J. Gastroenterol. 2008;14:2625–29
16. Spiller R.C., Jenkins D., Thornley J.P. et al. Increased rectal mucosal enteroendocrine cells, t lymphocytes and increased gut permeability following acute Campylobacter enteritis and in post-dysenteric irritable bowel syndrome. Gut 2000; 47: 804–11.
17. Soares, H.N. Fi-gueiredo, C.P. Maneschy Correlation between symptoms of the irritable bowel syndrome and the response to the food extract skin prick test / R.L.S. et al. // Sudeste e Amazonia. Mundo & Vida, 2. -2004. -P. 20-32.
18. Системная энзимотерапия в педиатрической практике / Бельмер С.В., Короткий Н.Г. и др.; Информационное письмо №9.- Москва, 2005. -13 с.
19. Zhu Y., Zheng X., Cong Y., et al. Bloating and distention in irritable bowel syndrome: the role of gas production and visceral sensation after lactose ingestion in a population with lactase deficiency. Am. J. Gastroenterol. 2013; 108:1516.

Дубовик П.М.

Статистические данные при изучении личности преступника

*Сургутский государственный университет
(Россия, Сургут)*

doi 10.18411/scc2016-3-05

idsp 000001: scc2016-3-05

Для наиболее точной оценки личности преступника, прогнозирования индивидуального преступного поведения исследователи прибегают к всестороннему и полному анализу уголовных дел, который не был бы объективным без использования статистических данных. В российской практике правоохранительные (правоприменительные) органы руководствуются совместным приказом Генпрокуратуры России №39, МВД России №1070, МЧС России №1021, Минюста

России №253, ФСБ России №780, Минэкономразвития России №353, ФСКН России №399 от 29.12.2005 «О едином учете преступлений». Данным приказом утверждена форма статистической карточки на лицо, совершившее преступление. Проводя анализ уголовных дел по информации из статистических карточек можно провести анализ социально-демографических характеристик преступника (пол, возраст, образование, гражданство, место проживания, национальность, социальное и должностное положение лица), его нравственно-интеллектуальных особенностей (место работы (учебы), состояние при совершении преступления), характеристики преступления (направленность, квалификация, вид, категория, размер, место совершения преступления, способ его совершения, мотив (цель) преступления, преступная роль, количество совершенных лицом преступлений). Совокупность указанных статистических данных позволяет достичь не только теоретических целей развития учения о личности преступника, но и выработать практические основы профилактической работы, определить оптимальные варианты воздействия как на людей, попадающих в «группу риска», так и на конкретных правонарушителей, в отношении последних индивидуализировать наказание с целью надлежащего исправительного воздействия.

Список используемых источников информации

1. О едином учете преступлений: Приказ Генпрокуратуры России №39, МВД России №1070, МЧС России №1021, Минюста России №253, ФСБ России №780, Минэкономразвития России №353, ФСКН России №399 от 29.12.2005 (в ред. от 20.02.2014 г.) // Российская газета. – 2006. – 25.01. – №13.

Камнев А.Н., Григорьев Г.В.

Эмпирическое образование в детском профильном лагере: теория, цели, принципы и педагогические возможности

*МГУ им. Ломоносова, МАИ
(Россия, Москва)*

doi 10.18411/scc2016-3-06

idsp 000001: scc2016-3-06

Kamnev A.N., Grigorev G.V.

Empirical education in specialized children's camp: theory, goals, principles and pedagogical possibilities

Abstract.

The article considers background, principles and pedagogical possibilities of empirical education which can advance pedagogical process in various educational environments. The special attention is paid to verify the empirical approach for teaching children during school breaks or after classes. It was proved that children recreation camps and ecocamps in particular are good places to provide additional children education. The combination of empirical education of traditional didactic methods could be applied for various subjects.

Keywords: empirical education, experiential education, specialised children camps, children ecological camp.

Аннотация.

В статье рассматриваются цели, принципы и педагогические возможности эмпирического образования, которое может расширить возможности образовательного процесса на разных педагогических площадках. Особое внимание уделено обоснованию целесообразности использования эмпирического подхода при обучении детей во внеурочное время, например, во время школьных каникул. Показано, что хорошей дополнительной образовательной площадкой могут быть детские, в частности, экологические лагеря. Сочетания эмпирических и традиционных дидактических подходов можно успешно использовать при проведении самых различных дисциплин.

Ключевые слова: эмпирическое обучение, экспериментальное обучение, детские профильные лагеря, детский экологический лагерь.

В течение последних 25 лет у большинства молодых людей нет реального интересного и значимого дела, с элементами романтики, трудностей и даже риска, что очень важно, с психолого-педагогической точки зрения, для правильного физического и психического развития человека. Отсутствие этих важных элементов в жизни подрастающего поколения порождает новые дополнительные проблемы в обществе. Молодежь начинает искать физическую и эмоциональную разрядку в драках, криминале, спиртных напитках и наркотиках. Пропадает интерес учебе. Нет мотивации учиться в высших учебных заведениях.

Как можно решить эти проблемы? Один из возможных путей — разумная и правильная организация досуга детей и молодежи в учебное время и, что не менее важно, более мудрое использование каникулярного времени. «Свободное время» — не должно означать «пустое времяпровождение», ведь развивающий досуг и дополнительное образование оказывают не меньшее воздействие на развитие личности, чем школа и семья. Однако в силу обстоятельств работающие родители не могут уделять полноценное внимание детям в каникулярное время. Это становится задачей общества и соответствующих учреждений: организовать каникулярный досуг детей, насытить его интересными, развивающими занятиями, обеспечить отдых, оздоровление и воспитание подрастающего поколения, равно как и обезопасить его от дурного влияния. Особое место среди структур, способных эффективно выполнить такую задачу занимают лагеря отдыха, оздоровления и досуга. Именно в лагере можно восполнить пробелы воспитания и школьного образования [1, с. 34;] (Шмаков, 1993 а, б; Камнев, 2005; Камнев, Камнева, 2001; Камнев, 2014; Лобачева и др., 2008;). Однако, воспитание и образование в условиях лагеря должно осуществляться не стихийно, а системно и на научной основе. Более того, наиболее эффективно это происходит при применении методов эмпирического обучения.

Что такое эмпирическое обучение

Эмпирическое (опытно и практико-ориентированное) или по - другому экспериентальное (experiential) обучение – это обучение через приобретение собственного жизненного опыта (Камнев, Конюшев, 1996; Камнев и др., 2013; Панов и др., 1996). Это процесс получения информации или приобретения навыка и собственного опыта путём непосредственного, самостоятельного изучения предмета, объекта исследований или выполнения задачи. Суть этого обучения достаточно проста – попробовать сделать что-то самому, даже если ты не умеешь делать этого, методом «проб и ошибок», а не через изучение чужого опыта. Обучение через приобретение собственного жизненного опыта очень похоже на обучение действием (action learning) и коллаборативное обучение (cooperative/collaborative learning), но есть и отличия.

Само обучение через опыт происходит без непосредственного участия учителя, но требует рефлексии со стороны обучаемого, а значит, всегда желательно, участие в процессе обучения наставника (тренера), который поможет учащемуся проанализировать опыт. Данный метод даёт превосходный результат, если он правильно выстроен. В противном случае он может привести к эффекту «раскалённой печки». Само эмпирическое обучение означает, что в нём участвует любой желающий (не зависимо от возраста и состояния здоровья). Каждый человек привносит «себя» и свой собственный опыт в среду обучения. Каждый человек помогает в совершенствовании учебных материалов, непосредственно используя их.

Наиболее последовательно принципы эмпирического обучения и прагматические тенденции в педагогике выражены в концепции так называемого экспериентального образования (The Theory Experiential Education, 1995). В России оригинальное английское название experiential education (или немецкое Erfahrungsbasiertes Lernen) переводилось по-разному: экспериентальное, экспериенциальное, эмпирическое, практико-ориентированное, опыто-ориентированное образование, обучение действием, коллаборативное обучение.

В нашем понимании, эмпирическое обучение - это педагогический процесс, основанный на модели «Действие – Обучение - Действие», в ходе которого человек вначале получает собственный опыт, затем совершенствует его, перенимая знания и навыки наставника, и далее закрепляет опыт посредством практики, испытания или приключения.

Рассмотрим подробнее специфику эмпирического обучения. Всем известно, что традиционное обучение в упрощённом виде предусматривает следующую педагогическую цепочку: теоретическое обоснование (лекция, чтение учебника); практическое задание (упражнение); закрепление материала (опрос). Эмпирическое обучение в нашем понимании развивается по следующей схеме:

1. краткий инструктаж (условия безопасности и направление исследования);
2. пробное практическое действие — исследование объекта, накопление индивидуального опыта (как устроен объект, как он действует, как им пользоваться);
3. осуществление открытия (достижение ранее неизвестной функции, обнаружение разгадки и т. д.);
4. ознакомление с чужим опытом и открытиями (анализ того, как вёлся поиск другими исследователями, какими на самом деле функциями обладает предмет или объект, что известно специалистам и мастерам);
5. получение углублённого теоретического обоснования (академическая часть, лекция);
6. коррекция собственного опыта (с учётом полученных знаний);
7. закрепляющее практическое действие (развитие мастерства);
8. дебрифинг (критическое обсуждение и осмысление собственных ощущений и путей поиска);
9. проверка навыков и знаний посредством испытания, приключения.

При эмпирическом обучении задействуется не только декларативная, но и процедурная и эмоциональная память, развивается не только вербальный интеллект, но и социальный, инструментальный и эмоциональный интеллект. Получают развитие такие составляющие интеллекта, как любопытство, гибкость ума, логичность мышления (обусловленная выполнением практических процедур), критичность, вариативность мышления. Таким образом, эмпирическое обучение представляется эффективным педагогическим методом, хотя и требующим существенных затрат времени, труда и материально-технических ресурсов.

При эмпирическом подходе мотивация обучения является внутренней, она продиктована практикой и не требует искусственных стимулов. Учащийся должен решить задачу посредством практики: осваивая необходимую информацию, выполнять действия, затем обобщать последствия этих действий, извлекая опыт и приобретая навыки, необходимые для дальнейших действий. Подобное обучение приводит к более глубокому усвоению информации, так как всё выученное ассоциируется с конкретными действиями и событиями, а не с абстрактными символами и общими принципами. Более того, получение знаний и их применение не разнесено во времени. Эмпирическое обучение строится не на воспроизведении информации из книг, учебников и лекций, а на целом мире новых индивидуальных открытий. Оно даёт радость познания и связано с положительными эмоциями, что способствует успеху в обучении. Наиболее удобными педагогическими площадками для разумного использования в педагогическом процессе методов и принципов эмпирического образования являются профильные, в частности, экологические лагеря.

Основные цели эмпирического обучения при групповом обучении в детских профильных лагерях

При работе в детском профильном лагере, среди целей эмпирического обучения можно назвать развитие ряда психологических качеств отдыхающих учащихся: инициативность, компетентность, чувство принадлежности к обществу, бережное отношение к природе.

- Инициативность предполагает принятие ответственности за свои действия, развитие внутреннего контроля (качество, которое характеризует склонность человека приписывать ответственность за результаты своей деятельности собственным способностям и усилиям), развитие способности быть инициатором и субъектом собственной активности.
- Компетентность составляет основу действий, позволяет проявить инициативность и интерпретируется как ощущение собственных

возможностей, необходимых для раскрытия способностей в различных сферах. Компетентность включает не только полученный запас знаний и умений, но и возможность их применения на практике.

- Под чувством принадлежности понимается сплав чувства групповой идентичности и активной позиции по отношению к группе, обществу. Оно включает и знание о своих правах и обязанностях в разных группах, и коммуникативные и социальные навыки, необходимые для жизни в обществе, а также понимание и умение учитывать интересы различных групп внутри сообщества.
- Бережное отношение к природе подразумевает глубокое внутреннее понимание хрупкости окружающей природной среды, взаимосвязях и целесообразности каждого из ее членов, а также осознания своего места в природной среде.

Все эти качества обуславливают развитие самосознания у обучающегося, что и является главной целью эмпирического образования.

Основные принципы эмпирического обучения

Приведём отдельные принципы эмпирического обучения, как ведущего подхода деятельного экологического образования. Они сформулированы на основе изучения работ Курта Хана (Hahn, 1957), Лауры Джоуплин (Jorlin, 1995), а также собственных практических исследований авторов.

Эмпирическое обучение опирается не столько на преподавателя, сколько на ученика. Эмпирическое преподавание ставит ученика в центр внимания и ориентируется на присущий только ему индивидуальный темп обучения. Чтобы осуществить это на практике, преподавателю необходима определённая свобода для того, чтобы рассматривать на уроке незапланированные темы и пропускать запланированные, если они могут быть легко усвоены самостоятельно. Хотя при таком подходе на занятиях удаётся рассмотреть материала меньше, чем рассчитывал преподавателю, но у ученика пробуждается живой интерес к учёбе и он с лихвой навёрстывает пропущенное.

Личный, а не безличный характер обучения. Эмпирическое обучение начинается с выстраивания заинтересованного личного отношения ученика к изучаемому предмету. Личное восприятие столь же ценно, как знание фактов и практические навыки ученика.

Ориентация на процесс и результат. Для эмпирического обучения в равной степени важно и то, как учащийся приходит к тому или иному ответу, и то, насколько «правильным» может быть этот ответ. Результатом научения выступает единство мыслительной работы и совершенных вслед за ней практических действий. Понимание этого единства особенно важно для правильной оценки усилий учащегося. Обычно его оценивают по достигнутому результату — количеству усвоенного учебного материала. При эмпирическом же подходе должны учитываться и самостоятельные идеи учащегося. Развитие этих идей, а также избранные им стратегии работы. Все это можно легко проследить по рабочему журналу ученика.

Оценка внутренних и внешних мотивов. В эмпирическом (обучении, образовании) в опыт научения включается и сам процесс оценки. Оценка не предстаёт перед учащимся в виде окончательной данности, своего рода «приговора». В учащихся может поощряться развитие навыков самооценки, а также участие в наблюдении за процессом обучения. Способность к адекватной самооценке может помочь учащемуся стать более независимым, «самоуправляемым», научиться самостоятельно ставить и достигать цели. Участие в оценивании самого себя увеличивает ответственность учащегося.

Целостное понимание и компонентный анализ. Контроль результатов эмпирического обучения включает в себя как объяснение феноменов статистическими уравнениями, так и познание многосторонности и глубины качеств объекта. Педагог-исследователь может получить информацию из интервью, персональных отчётов, опросников, креативных семинаров или групповых дискуссий. Представления о сложности ситуации, полученные в результате такой работы, выходят далеко за рамки тех, что удаётся достигнуть при обычном подходе.

Опора на опыт. Непосредственный опыт является основанием, на котором учащиеся выстраивают собственное понимание. Проблемный и тематический подходы могут вполне сочетаться с эмпирическим обучением и служить для него надежной основой.

Дедуктивный подход. Познание идёт не от простого к сложному и от частного к общему, а от сложного к простому — от комплексного опыта к его анализу и осмыслению.

Когнитивное обучение. Особое внимание уделяется способности учащегося толковать или объяснять, предмет, а не излагать утверждения специалиста. Эмпирическое обучение придаёт значение всем уровням знания предмета — от восприятия и мнения учащегося, до мнения эксперта и специалиста.

Ориентация на индивидуальность. Цель эмпирического обучения и самое главное в нём — это отслеживание личностного роста и развитие самосознания. Особое значение придаётся индивидуальным отношениям и ролям внутри группы, а также пониманию личностью функционирования группы в целом и осознанию себя как её части.

Аутентичность и вовлеченность. Всё, что происходит с участниками, все виды деятельности, выполняемые задания, приобретаемые знания должны восприниматься участниками как относящиеся к жизни, им лично необходимые, значимые. В этом случае человек понимает смысл образования, получает удовлетворение и радость о самого процесса обучения. Оценивание становится формальностью, так как результаты участник наблюдает сам и сам несёт за них ответственность.

Активность. В эмпирическом образовании поощряются различные виды активности участника как физической, так и/или интеллектуальной. Образование в равной степени направлено на социальное, физическое, эмоциональное развитие, а не только на интеллектуальную сферу. Активное (субъективное) отношение к образованию развивает мышление через поиски альтернативных решений, дискуссии, требует использования воображения, творческого подхода, а не пассивного выслушивания и последующего воспроизведения, как в традиционных подходах.

Направленность на будущее. Считается очень важным, помимо приобретения некоторого опыта и знаний показать их применимость на практике. Возможности, которые открывают приобретённый опыт и знание для участника, воспитывают активную позицию и инициативность.

Радость от участия. При эмпирическом по возможности подходе нет «учения через силу». Каждый выбирает для себя подходящий уровень сложности, отвечает на вызов или отказывается от него. Сложные задания, требующие порой принятия рискованных решений, могут вызывать и негативные эмоции, и фрустрацию, но работа организатора-педагога направлена на преодоление этих ситуаций. Радость достижения цели, удовлетворение от выполненного задания, самораскрытие являются основными мотивами или участия в программах.

Все вышеуказанные принципы и цели в той или иной степени используются при построении конкретной программы, в работе конкретного педагога. Задачей педагога, (наставника, ведущего, взрослого) является создание условий, физических и социальных, в которых участники могут получить новый опыт в результате собственных действий с предметом изучения, совместного решения различных задач, коммуникаций между собой.

Педагог организует учебный процесс, создаёт условия, обеспечивает безопасность участников, предлагает задачи, поддерживает, помогает при необходимости и устанавливает правила и ограничения действий учеников (необходимым минимумом). Его поведение, реакции на действия учеников, участие в совместной деятельности оказывает влияние на способы поведения учащихся, становится частью их социального опыта. Функция педагога состоит не в предоставлении учащимся правильных готовых ответов, а в стимуляции поиска, организации условий для самостоятельного открытия нового (знания, способа и т. п.) — усиления (фасилитации) собственной активности, а не прямое ведение к намеченному результату.

Потому в эмпирическом образовании подготовке и сопровождению работы педагогов также уделяется большое внимание. Такая работа проводится на

конференциях по эмпирическому образованию, на семинарах и тренингах для педагогов, через журнал “The Journal of Experiential Education” и сайты по эмпирическому обучению в Интернете.

Обязательной частью цикла эмпирического образования, независимо от его продолжительности является рефлексия опыта — осознание происшедшего в процессе работы, возможность поделиться возникшими чувствами, оценить результаты, интегрировать опыт. Включение любых переживаний в более широкую картину жизненного опыта человека помогает осознать значимость полученного, увидеть перспективу будущих шагов.

Можно выделить несколько достаточно известных психологических методов рефлексии, используемых в эмпирическом образовании:

- Групповая дискуссия (обсуждение в большом круге) — может быть как в форме свободной дискуссии, так и в форме направленного обсуждения тематик, заранее подготовленных руководителем. В групповой дискуссии участники либо высказываются по желанию, либо друг за другом по кругу (например, обмен впечатлениями и чувствами — каждый по очереди описывает своё состояние в данный момент одним словом или фразой — это оперативное средство для получения обратной связи о состоянии группы). Положительными сторонами групповой дискуссии являются: возможность высказаться, предоставляемая каждому участнику, в присутствии всей группы; быстрое включение в работу; возможность управления ходом дискуссии и провоцирования высказываний всех членов группы; столкновение точек зрения.

Недостатком этой формы работы является затрата большого количества времени для выслушивания всех членов группы, возможность появления формальных ответов, уходов от обсуждения некоторых членов группы, не имеющих навыков публичного выступления.

- Работа в малых группах (4–8 человек) позволяет вести более интенсивную работу каждого члена группы, не требует продолжительного времени (по сравнению с большим кругом), помогает активизировать пассивных членов группы, а также людей со страхом публичного выступления, так как предоставляет более безопасную ситуацию для высказывания.

Отрицательным моментом может стать однотипность или по-другому, гомогенность групп — в них не возникает противоречащих точек зрения, а значит, некоторые стороны предмета дискуссии могут остаться нераскрытыми. Работа малых групп труднее поддаётся контролю ведущего, чаще возможны уходы от темы. По результатам работы малых групп необходимо проводить дискуссию на большом круге, чтобы все участники процесса поделились идеями и наработками.

- Диады (пары) — позволяют осуществлять глубокое взаимодействие. Большую степень доверия при обсуждении, активизируют даже самых пассивных участников. Очень удобны в начале работы, когда ещё не сформированы навыки работы в группах, для близкого знакомства, создания атмосферы доверия и комфорта. Руководитель может также применить работу в парах для разговора с конкретным участником группы (например, с лидером, пассивным и др.), не нарушая общего хода работы.

Основной проблемой может быть неконтролируемость такой формы дискуссии и отношения внутри пары — один из участников может навязывать своё мнение, доминировать в обсуждении.

Можно также перечислить следующие традиционные формы индивидуальной работы внутри групповых процессов:

- Уединённое обдумывание. При этом выделяется время для самостоятельной рефлексии происходящих событий, отдыха от присутствия в группе. Личное время не обязательно устанавливается в фиксированной форме одновременно для всех, но обязательно должно присутствовать в распорядке работы группы. Здесь группе может быть

предложено разойтись на 15 минут и подумать о чем-то важном для каждого, с запретом на разговоры и другие способы коммуникации между членами группы.

- Ведение дневниковых записей. Это очень важная форма работы над собой для исследования личностного эмоционального опыта, выражения своих личных мыслей и чувств по поводу происходящего, позволяет отследить внутреннюю динамику развития отношений. Помогает разрядке, выражению скрытых эмоций, того, что участник не готов вынести даже на обсуждение в парах. Потому очень важно ещё в начале работы оговорить с участниками, будут ли дневниковые записи выноситься на обсуждение группы, хотят ли они делиться своими мыслями и чувствами, занесёнными в дневник, так как это повлияет на степень откровенности записей. Обсудить необходимость введения этой формы работы надо на самых первых этапах процесса, обязательно выделить специальное «дневниковое» время, чтобы каждый находил возможность сделать записи ежедневно. Можно вести «направленные» записи — ответ в дневнике на вопросы, поставленные ведущим. Тем не менее, это должно оставаться самой личной и недоступной контролю сферой.
- Анкетирование. Заполнение опросников (активных листов) — для обратной связи, осознания состояния, фиксации позиции участника до и после дискуссии (например, «Мои ценности — это ...», «Я понял, что мне сложно...», «В конце этого курса я...»).
- Рисование. При работе с группой может быть использовано рисование — индивидуальное и групповое, свободное и на заданную тему.
- Видеосъёмка и анализ записи. Кроме удовлетворения и радости, получаемых при просмотре записи, достигается осознание собственных способов поведения, отношений в группе, можно создать типологии поведения, сравнить с воссозданием тех же эпизодов в обсуждении — анализ искажений при восприятии и припоминании, и многое другое

Заключение: Таким образом, из выше сказанного видно, что эмпирические подходы могут существенно расширить педагогические возможности. Наиболее удобно использовать эти подходы во внеурочное время, в частности, в каникулярное время в детских профильных лагерях (Ефремов, 2004, 2005, 2007). Исходя из нашего многолетнего опыта работы в лагерях (Камнев, 2014; Камнев и др., 1998, 1999), эти подходы легко сочетать с традиционными педагогическими приемами. Более того, такое сочетание улучшает атмосферу, как в учебном, так и игровой процессе (Ефремов, 2003). Кроме того, включение в лагерную педагогическую практику эмпирических подходов, стабилизирует дисциплину. Другими словами, эмпирическое обучения позитивно влияет на решения самых разных задач, возникающих при работе в лагере. Сочетания эмпирических и традиционных дидактических подходов можно успешно использовать при проведении самых различных дисциплин. Положительный эффект проявляется как на занятиях по гуманитарным, так и по научно-естественным дисциплинам. Не менее интересно использовать такое сочетание при преподавании точных научных дисциплин. Позитивный эффект очень быстро и наиболее наглядно проявляется на уроках по языковой подготовке, например, при обучении произношению иностранных слов и выражений, т.е. на уроках по фонетике.

Список используемых источников информации

1. Ефремов К. Д. (2003) Не только лекция, но игра // Народное образование. 2003. №3. — С. 236–243.
2. Ефремов К. Д. (2004) Образовательный потенциал загородных лагерей // Народное образование. 2004. №3. — С. 90–95.
3. Ефремов К. Д. (2005) Американский опыт внешкольного экологического образования / Народное образование. 2005. №8. — С. 142–147.
4. Ефремов К. Д. (2007) Профильный лагерь: разнообразие программ // Народное образование. 2007. №3. — С. 221–225.
5. Камнев А. Н. Образовательный отдых — это обучение в активной форме. Обучение и карьера. № 22 (65). 2005. — С. 66-69.
6. Камнев А.Н., Проект "Отдых и учеба с радостью" : научно- приключенческие программы "Океания", "Вождь краснокожих", "Храброе сердце", "Лес полон знаний", "Новый опыт",

- "Lingvocamp" как инструмент образования и воспитания детей и молодежи. Проблемы региональной экологии. 2014. № 6. – С. 171-174.
7. Камнев А. Н., Камнева М. А. (2001) Всему учит море // Психологическая наука и образование. 2001. № 4. — С. 91–99.
 8. Камнев А. Н., Конюшев В. В. Экологическое образование через жизненный опыт // Психология сегодня. М., 1996. Т. 2, вып. 6. — С. 107–108.
 9. Камнев А.Н., Камнев О.А., Панов В.И., Экологические и психолого-педагогические предпосылки деятельного экологического образования. В сборнике «Экопсихологические исследования – 3». Под редакцией В.И.Панова, 2013. – С.245-275.
 10. Камнев А. Н., Камнева М. А., Кунц Б. Деятельное образование в лагере // Народное образование. 1999. №5. — С. 62–67.
 11. Камнев А. Н., Камнева М. А., Гавриленко Е. Е., Кунц Б. (1998) Деятельное (практико-ориентированное) образование в детском лагере, или «Отдых и учеба с радостью» // Новые ценности образования. 1998. № 8. — С. 55–67.
 12. Лобачева С.И., Великородная В.А., Шиголь К.В. Загородный летний лагерь. Планирование лагерных смен. Сценарии мероприятий, Игры и конкурсы. 1-11 классы. М. «ВАКО» 2008. 288с.
 13. Панов В. И., Камнев А. Н., Кулешов В. В., Кудряшов С. Н. (1996) Возрождение методов экспериментального образования в России // Первая Российская конференция по экологической психологии. Москва, 1996. 3-5 декабря. — С. 129–130.
 14. Шмаков С.А. Досуг школьника. Проблемы, прогнозы, секреты, подсказки, калейдоскоп развлечений. Липецкая организация Союза писателей РФ. НПО ОРИУС. Липецкое издательство Мининформпечати РФ. Липецк. 1993. 192 с.
 15. Шмаков С.А. Лето. Вопросы - ответы, подсказки – советы. «NB МАГИСТР» М. 1993. - 144 с.
 16. Hahn K. Outward Bound /Year Book of Education. Eds. George Z. F. Bereday and Joseph A. Lauwers. — L: Evans Brothers, 1957. - 283 p.
 17. Joplin L. Defining experiential education: Nine characteristics / In J. Kendall and J. S. Hunt (eds.) The Theory of Experiential Education. — Boulder, Colo: Association for Experiential Education, 1995. — P. 15–22.
 18. The Theory of Experiential Education / Eds by K. Warren, M. Sakofs, J. S. Hunt. — Dubuque, Iowa, USA, 1995. P. 297-303.

Комиссарова М.Ю.

Антропометрические параметры в определении компонентного состава тела

*ГБОУ ВПО СПбГПМУ Минздрава России
(Россия, Санкт-Петербург)*

doi 10.18411/scc2016-3-07

idsp 000001: scc2016-3-07

Оценка антропометрических параметров имеет очень важное значение в педиатрии [6, 12, 1]. Особую актуальность она приобретает в связи с ростом распространенности метаболического синдрома у детей [7,11,13,15,27]. В последние годы определены диагностические критерии метаболического синдрома в разном возрасте [15,27]. Согласно рекомендациям Национальной образовательной программы по холестерину у взрослых в третьем пересмотре (National Cholesterol Education Program Adult Treatment Panel III, NCEP/ATPIII) в модификации для детского возраста, одним из критериев метаболического синдрома у детей является индекс массы тела (ИМТ) > 85-го перцентиля [15]. Многочисленными исследованиями показано, что такие показатели, как окружность живота, отношение окружности живота к бедрам и окружности живота к росту более точно описывают распределение висцерального жира по сравнению с ИМТ [17,19,21]. Значение висцерального жира обусловлено тем, что адипоциты висцеральной жировой ткани, посредством продукции ряда биологических молекул, играют роль в патогенезе метаболического синдрома [11]. Количество висцерального жира зависит от пола, возраста, расы или этнической принадлежности, физической активности и общего ожирения [27]. Золотыми стандартами для оценки брюшной подкожной и висцеральной жировой ткани в настоящее время являются компьютерная томография и МРТ [11]. Объем висцеральной жировой ткани, измеренный с помощью КТ или МРТ тесно коррелирует с окружностью живота [7,11]. Кроме того, величина окружности живота является крайне устойчивым показателем: коэффициент устойчивости составляет 0,92–0,98. Вот

почему измерение окружности живота – это обязательная манипуляция для определения метаболического синдрома у пациентов детского и подросткового возраста [24,25]. Важно подчеркнуть, что у детей значения окружности талии > 95-го перцентиля коррелируют с другими компонентами МС, а именно с гипертриглицеридемией, гиперинсулинемией, артериальной гипертензией, стеатозом печени [16,17,20,23], а у взрослых- еще и с риском сердечно-сосудистых катастроф и смертностью [10,14,22]. Экспертами Международной федерации диабета IDF рекомендуется использовать в диагностике МС у детей с 10-летнего возраста значение окружности живота \geq 90-го перцентиля [27]. IDF считает необходимым разработать нормы окружности живота для детей в зависимости от среды обитания, расовой, национальной принадлежности детей отдельных популяций в различных климатогеографических условиях проживания. Сегодня в различных странах уже разработаны референсные значения перцентильного распределения окружности талии для детей с учетом возраста и пола [15,18,27]. В нашей стране российской группой по изучению метаболического синдрома рекомендуются таблицы для евро- американцев. Используются также критерии NCEP/АТР III и IDF. [7]. Сегодня проведены исследования окружности живота и в России [2,3,1].

В последние годы появились работы, свидетельствующие о возможности развития МС у детей без абдоминального ожирения [9]. Учитывая значение жировой ткани в генезе метаболического синдрома представляет интерес распределение жировой ткани у современных школьников с нормальным ИМТ.

Цель исследования- оценить компонентный состав тела у детей с ожирением и нормальным ИМТ.

Материалы и методы: Обследовано 59 детей 8-16 лет с ожирением, верифицированным согласно Федеральным клиническим рекомендациям по диагностике и лечению ожирения у детей и подростков (2014) [4]. Во вторую группу вошли 115 детей, имевших медианные показатели роста, массы тела и ИМТ SDS для своего возраста и пола.

Всем детям проводили общее обследование, определяли уровень глюкозы и холестерина, проводили оценку ИМТ по таблицам ВОЗ [26], измерение окружности мышц плеча в средней трети (мм), калиперометрию в стандартных точках по Brook, с последующей оценкой суммы толщины 4 кожных складок по центильным таблицам Шульпина Д.С.; Сергеева Ю.С. и Шульц Н.В. [5]. Вычисление жировой и тощей массы тела и оценка согласно нормативам здоровых детей [8]. Вычисление относительной жировой массы тела (% от общей массы тела) проводилось с помощью методики С. Brook.:

Определение относительной массы тела (M_{отн}).

Мальчики

M_{отн}(1-11 лет) = 1,1690 – 0,0788 * lg суммы четырех кожных складок

M_{отн}(старше 11 лет) = 1,1533 – 0,0643 * lg суммы четырех кожных складок

Девочки

M_{отн}(1-11 лет) = 1,2063 – 0,0999 * lg суммы четырех кожных складок

M_{отн}(старше 11 лет) = 1,1369 – 0,0598 * lg суммы четырех кожных складок

Определение жировой массы тела (ЖМТ) в процентах в организме по формуле

W. Siri.

3. Определение жировой ЖМТ (%) = (4,95 / M_{отн} – 4,5) * 100%

ЖМТ (кг) = ЖМТ(%) * масса тела (кг)

4. Определение тощей массы тела (ТМТ) в процентах.

ТМТ(%) = масса тела (100%) – ЖМТ (%)

Определение тощей массы (ТМТ) тела в килограммах.

ТМТ(кг) = масса тела (кг) – ЖМТ (кг)

Оценка жировой и тощей массы тела проводилась согласно нормативам здоровых детей по полу и возрасту[8].

Результаты. Индекс массы тела в обеих группах не имел достоверных различий между мальчиками и девочками. (таблица 1).

Таблица 1

Индекс массы тела у обследованных детей.

	Ожирение n =59		Норма ИМТ n=114	
ИМТ, кг/м ²	23,51±4,21*(**)		19,11±1,85*	
	Мальчики n = 30	девочки n =29	Мальчики n =63	Девочки n =51
ИМТ, кг/м ²	22,41±3,2*	22,87±3,0**	19,61±1,3*	18,6±1,71**

*p<0,05 ** p<0,01

Для оценки компонентного состава тела проведено измерение 4 кожных складок по С.В. Brook, определены окружность мышц плеча и окружности живота в изучаемых группах. Полученные данные представлены в таблицах 2 и 3.

Таблица 2

Показатели окружности мышц плеча, окружности живота, кожных складок в 4 точках у девочек групп исследования.

признак	группы	Ожирение	Норма ИМТ	P
		n=29	n=51	
Окружность живота, см		71,2±6,03	65,01±7,10	p <0,01
Окружность мышц плеча, мм		182,79±18,52	165,82±83,20	p <0,01
Кожная складка над трицепсом, мм		20,41±4,57	15,94±3,67	p <0,01
Кожная складка над бицепсом, мм		11,34±2,76	9,15±2,29	p <0,01
Кожная складка под лопаткой, мм		17,34±5,63	12,47±3,79	p <0,01
Кожная складка над spina iliaca anterior superior, мм		18,62±5,85	13,67±4,08	p <0,01
Суммарная толщина кожных складок, мм		67,72±17,07	51,25±11,44	p <0,01

Таблица 3

Показатели окружности мышц плеча, окружности живота, кожных складок в 4 точках у мальчиков групп исследования.

признак	группа	Ожирение	Норма ИМТ	P
		n = 30	n =63	
Окружность живота, см		74,7±7,71	66,68±6,70	P <0,01
Окружность мышц плеча, мм		198,16±30,34	187,41±27,17	p <0,01
Кожная складка над трицепсом, мм		19,26±5,63	12,95±3,93	p <0,01
Кожная складка над бицепсом, мм		10,93±4,42	7,28±2,25	p <0,01
Кожная складка под лопаткой, мм		16,26±4,91	10,62±3,79	p <0,01
Кожная складка над spina iliaca anterior superior, мм		18,62±6,94	10,95±3,71	p <0,01
Суммарная толщина кожных складок, мм		64,73±20,04	41,81±12,02	p <0,01

Как следует из таблиц 2 и 3, и у мальчиков и у девочек с ожирением, окружность мышц плеча, окружность живота, размеры кожных складок в 4 точках, суммарная толщина кожной складки оказались наибольшими по сравнению со здоровыми детьми.

В группе детей с ожирением окружность живота у девочек была достоверно увеличена ($p < 0,01$), а окружность мышц плеча уменьшена по сравнению с мальчиками ($p < 0,01$); остальные показатели не имели статистически значимых отличий. В группе детей с нормальным ИМТ окружность мышц плеча, толщина и сумма толщины кожных складок достоверно отличалась между мальчиками и девочками. Окружность мышц плеча была больше у мальчиков ($p < 0,01$), а сумма толщины кожных складок – больше у девочек ($p < 0,01$).

С помощью суммарной оценки кожных складок в 4 точках и интегральных формул мы определили компонентный состав тела обследуемых детей. Полученные результаты представлены в таблице 4.

Таблица 4

Компонентный состав тела у обследованных детей

	Ожирение			Норма ИМТ		
	Мальчики	Девочки	Всего	Мальчики	Девочки	Всего
	n = 30	n = 29	n = 59	n = 63	n = 51	n = 114
ЖМТ, %	29,1±5,61*	32,3±3,71'	30,67±5,01''	21,7±3,53*	27,68±4,07'	24,41±4,79''
ЖМТ, кг	17,35±5,81*	16,98±5,04'	17,17±5,41''	11,8±3,7*	13,04±3,67'	12,36±3,72''
ТМТ, %	70,89±5,62*	67,69±4,67'	69,32±5,21''	78,2±3,56*	72,31±4,67'	75,59±5,77''
ТМТ, кг	42,1±11,02*	35,24±7,78'	38,74±10,08''	41,95±9,95	33,20±10,2	38,03±9,35''

* $p < 0,01$ у мальчиков групп сравнения ' $p < 0,01$ у девочек групп сравнения '' $p < 0,01$ в группах сравнения

Данные таблицы 4 свидетельствуют, что и тощая и жировая масса тела были наиболее высокими в группе детей с ожирением. У них относительная жировая масса тела (% от общей массы тела) оказалась достоверно больше у девочек, чем у мальчиков ($p < 0,01$). Анализ компонентного состава тела обнаружил значимые половые различия в группе детей с нормальным ИМТ. У девочек абсолютная и относительная (% от общей массы тела) жировая масса тела была больше, чем у мальчиков ($p < 0,01$). Абсолютная и относительная тощая масса тела оказалась больше у мальчиков, чем у девочек ($p < 0,01$).

У мальчиков с ожирением увеличение массы тела в 63% случаев происходит за счет значительного увеличения жировой и снижения тощей массы тела. У 26% мальчиков тощая масса тела соответствует возрасту, а жировая масса тела увеличена. У мальчиков с нормальным ИМТ также в 62% случаев оказалась снижена тощая и увеличена жировая масса тела. 25% обследованных мальчиков данной группы имели среднюю по возрасту тощую и жировую массу тела. 13% имели повышенную тощую и сниженную по возрасту жировую массу тела.

Относительная жировая масса тела (% от общей массы тела) у мальчиков с ожирением была увеличена в 100% случаев, а тощая масса тела в процентах относительно общей массы тела также оказалась снижена в 100% случаев. Относительная жировая и тощая масса тела (% от общей массы тела) у мальчиков с нормальным ИМТ в 82,53% случаях имели повышенный по возрасту процент жировой относительно общей массы тела, 12,69% - нормальную по возрасту относительную жировую массу тела и 4,76% - сниженную. У 76,19% мальчиков данной группы оказалась снижена относительная тощая масса тела, у 22,22% - нормальная относительная масса тела, повышенная отмечалась у 1,58% обследованных мальчиков с мезосоматическим ТС.

90% девочек с ожирением имели избыточную по возрасту жировую массу тела при сниженной тощей массе тела, 5% - избыточную жировую и тощую массу тела, 5%-избыточную жировую и нормальную по возрасту тощую массу тела. У 82% девочек с нормальным ИМТ была снижена тощая и увеличена жировая масса тела относительно возрастных показателей, 18% из них имели нормальную по возрасту жировую и тощую массу тела. 80,39 % девочек с нормальным ИМТ имели повышенную, 15,68% нормальную и 3,93 % - сниженную относительную жировую массу тела. В тоже время тощая масса тела относительно общей массы тела у девочек данной группы была снижена у 82,35%, нормальная у 13,72%, повышена у 3,93 %. Относительная жировая масса тела у девочек с макросоматическим ТС и сопутствующей патологией верхних отделов желудочно-кишечного тракта была увеличена в 100% случае, в то время как тощая масса тела в процентах относительно общей массы тела в 100% случаев была снижена.

Нами выявлена корреляция средней силы между индексом массы тела по возрасту и полу и жировой и тощей массой тела в процентах и килограммах для мальчиков и для девочек ($r=0,69$ и $r=0,64$, $p<0,001$). Также ИМТ коррелировал с возрастнo-половой оценкой массы по росту и суммой кожных складок ($r=0,87$; $r=0,89$; $p<0,001$)

Наиболее информативными показателями развития жировой ткани у детей оказались кожная складка под лопаткой и сумма кожных складок, что было выявлено как у мальчиков ($r=0,7$, $r=0,63$; $p<0,01$), так и у девочек ($r=0,53$, $r=0,62$, $p<0,01$). Кожная складка под лопаткой более коррелировала с ИМТ у мальчиков, чем у девочек ($r=0,7$; $r=0,53$; $p<0,01$).

ИМТ выше 97 и менее 3 центильного коридора в каждой возрастной и половой группе имел наиболее высокий коэффициент корреляции с жировой и тощей массой тела ($r=0,93$; $r=-0,93$, $p<0,001$) у обследованных детей. Высока оказалась корреляция ИМТ с окружностью мышц плеча как с показателем упитанности ($r=0,83$ для мальчиков и $r=0,75$ для девочек, $p<0,01$), и в меньшей степени с окружностью живота ($r=0,11$ для мальчиков, $r=0,19$ для девочек, $p<0,001$). В нашем исследовании отсутствовала корреляция между массой жировой ткани и процентного содержания жира в организме с окружностью талии; эти показатели достоверно не отличались у мальчиков ($r=0,49$; $p>0,05$) и девочек ($r=0,39$; $p>0,05$). При этом обнаружена корреляция между массой жировой ткани и процентного содержания жира в организме с уровнем общего холестерина ($r=0,85$ для мальчиков и $r=0,72$ для девочек, $p<0,01$).

Таким образом, согласно полученным данным можно сделать вывод, что индекс массы тела, оцениваемый по центильным таблицам по полу и возрасту коррелирует со степенью развития жировой и тощей массы тела у детей. У 70% детей, независимо от ИМТ, увеличена жировая масса тела, что коррелирует с уровнем холестерина и у 60% снижена тощая масса тела по сравнению с нормативами здоровых детей, что может быть предиктором метаболического синдрома. Наиболее информативными показателями для оценки жировой массы тела являются кожная складка под лопаткой и суммарная оценка 4 кожных складок по центильным таблицам.

Список используемых источников информации

1. Алешина Е.И., Андриянов А.И., Богданова Н.М., Эдлеева А.Г., Кириченко Н.Н., Комиссарова М.Ю., Леонова И.А., Новикова В.П., Хомич М.М., Юрьев В.В. Методы исследования нутритивного статуса у детей и подростков. Санкт-Петербург, 2014. (2-е издание, исправленное и дополненное)
2. Алешина Е.И., Воронцова Л.В., Шик О.В. Окружность живота у детей Санкт-Петербурга. «Воронцовские чтения. Санкт-Петербург-2013», СПб, 2013г. -С.Х
3. Алешина Е.И., Новикова В.П., Комиссарова М.Ю., Кликунова К.А., Воронцова Л.В. Окружность живота у детей: современные нормативы и диагностическое значение// Вопросы детской диетологии. - 2014. Т.12. -№1. -С.33-38.
4. Диагностика и лечение ожирения у детей и подростков // В кн. : Федеральные клинические рекомендации (протоколы) по ведению детей с эндокринными заболеваниями / Под редакцией Дедова И. И., Петерковой В. А. — М. : Практика, 2014. — С. 163—183.

5. Клиорин А.И. Ожирение в детском возрасте.- 2-е изд. перераб. и доп.- Л.: Медицина, 1989.- 256 с.
6. Комиссарова М.Ю., Новикова В.П., Юрьев В.В. Индекс массы тела-отражение развития тощей и жировой массы тела у детей/ Вестник Санкт-Петербургской государственной медицинской академии им. И.И. Мечникова.2007,- СПб., – №4– С.33-36
7. Леонтьева И. В. Диагностика и лечение метаболического синдрома в практике педиатра //Доктор.ру. – 2011. – № 2 (61). – С. 13-23
8. Мазурин А.В. Пропедевтика детских болезней / А.В. Мазурин, И.М. Воронцов. - СПб, 1999. – С. 904- 925.
9. Малявская С.И., Лебедев А.В. Метаболический портрет детей с ожирением// Российский вестник перинатологии и педиатрии. -2015.-Т.60.-№6.-С.73-81.
10. Мулерова Т.А., Филимонов С.Н., Онищенко Е.Г., Колбаско А.В. Клиническое значение индекса массы тела, окружности талии и индекса талия/бедро у пациентов с артериальной гипертензией в республике Алтай // Фундаментальные исследования. – 2012. – № 4 (часть 2). – С. 335-339
11. Ройтберг Г. Е. Метаболический синдром. М.: МЕДпресс-информ, 2007. 223 с.
12. Руденко Н.Н., Мельникова И.Ю.Актуальность оценки физического развития детей/Практическая медицина. 2009. № 39. С. 31-34.
13. Синицын П.А., Щербакова М.Ю., Ларионова В.И., Петряйкина Е.Е. Метаболический синдром у детей // Педиатрия. - 2008. - № 5. - С. 124-127.
14. Balkau B, Deanfield JE, Després JP, et al. International Day for the Evaluation of Abdominal Obesity (IDEA): a study of waist circumference, cardiovascular disease, and diabetes mellitus in 168,000 primary care patients in 63 countries.Circulation.2007 ;116:1942 -1951.
15. Boney C. M [et al.] Metabolic syndrome in childhood: association with birth weight, maternal obesity, and gestational diabetes mellitus // Pediatrics. 2005. Vol. 115. № 3. P. e290–e296.
16. Claudio M, Claudia B, Giorgio T. Waist-to-height ratio, a useful index to identify high metabolic risk in overweight children. J Pediatr. 2008;152:207 -213.
17. Diana R. Mager, Jason Yap, Carla Rodriguez-Dimitrescu, et al, Anthropometric Measures of Visceral and Subcutaneous Fat Are Important in the Determination of Metabolic Dysregulation in Boys and Girls at Risk for Nonalcoholic Fatty Liver Disease/ Nutr Clin Pract, February 2013; vol. 28, 1: pp. 101-111
18. Fernandez JR, Redden DT, Pietrobelli A & Allison DB (2004).Waist circumference percentiles in nationally representative samples of African-American, European-American and Mexican-American children and adolescents. Journal of Pediatrics 145, 439–444.
19. H. David McCarthy. Body fat measurements in children as predictors for the metabolic syndrome: focus on waist circumference .Proceedings of the Nutrition Society (2006), 65, 385–392
20. Huxley R, Mendis S, Zheleznyakov E, Reddy S, Chan J. Body mass index, waist circumference and waist: hip ratio as predictors of cardiovascular risk--a review of the literature.Eur J Clin Nutr. 2010 Jan;64(1):16-22.
21. Jose Vicente Spolidoro, Manoel L. Pitrez Filho, Luiz T. Vargas et al., Waist circumference in children and adolescents correlate with metabolic syndrome and fat deposits in young adults/ Clinical Nutrition Volume 32, Issue 1 , Pages 93-97, February 2013
22. Koster A, Leitzmann MF, Schatzkin A, et al. Waist circumference and mortality. Am J Epidemiol.2008 ;167:1465 -1475.
23. Panagiotopoulos C,Ronsley R, Kuzeljevic B, Davidson J. Waist circumference is a sensitive screening tool for assessment of metabolic syndrome risk in children treated with second-generation antipsychotics. Can J Psychiatry. 2012 Jan;57(1):34-44.
24. Rosane Ness-Abramof,Caroline M. Apovian. Waist Circumference Measurement in Clinical Practice/ Nutr Clin Pract August 2008 vol. 23no. 4 397-404
25. Valeria Hirschler, ; Claudio Aranda, ; Maria de Luján Calcagno, ;et al. Can Waist Circumference Identify Children With the Metabolic Syndrome? Arch Pediatr Adolesc Med. 2005; 159 (8) :740-744.
26. World Health Organization: Growth reference 5-19 years. BMI-for-age (5-19 years). Режимдоступа: http://www.who.int/growthref/who2007_bmi_for_age/en/
27. Zimmet P. [et al.], IDF Consensus Group. The metabolic syndrome in children and adolescents — an IDF consensus report // Pediatr.Diabetes. 2007. Vol. 8. № 5. P. 299–306.

Наврзуова Ш.И., Саъдуллоева И.К.

Состояние иммунитета и нейро-гуморальной регуляции при врожденных пороках сердца у детей

*Бухарский Государственный Медицинский институт
(Узбекистан, Бухара)*

doi 10.18411/scc2016-3-08

idsp 000001: scc2016-3-08

Врожденные пороки сердца (ВПС) –самые распространенные из врожденных аномалий у детей. В последние годы отмечается увеличение частоты ВПС, обусловленное, вероятно, применением более совершенных методов функциональной

диагностики и возросших интересом к проблеме ВПС врачей других специальностей [1,2,3].

По данным различных авторов, в США ежегодно рождается до 30-35 тыс. детей с ВПС, в России-20-22 тыс. детей [14].

Естественная летальность при всех ВПС составляет около 40 %, причем большинство больных умирают на первом году жизни, а 70 % из них — на первом месяце жизни [15]. В возрастной структуре смертности от ВПС и аномалий развития магистральных сосудов 91 % составляют дети первого года жизни. Среди них около 50 % — дети до 28 дней жизни (неонатальный период) [6,8,9].

Согласно результатам исследований Л.А. Бокерии и соавторов (2010), дети с ВПС и низкими концентрациями общих иммуноглобулинов А и G в дооперационном периоде являются группой риска по развитию инфекционных послеоперационных осложнений[7].

Среди всех умерших с ВПС диагностирована патология вилочковой железы [4,5,10,11,13].

У детей с естественным течением порока может наблюдаться спонтанная редукция дефекта с его практически полным нивелированием. По данным различных авторов, спонтанная облитерация дефекта межжелудочковой перегородки (ДМЖП) отмечается у 15-60% больных; дефекта межпредсердной перегородки (ДМПП) - у 3-27%; открытого артериального протока (ОАП) - у 3%, т.е. у 0,6% больных ежегодно [12,14].

Отдельной категории больных с малыми дефектами вообще не показано оперативное или консервативное лечение. Операционное лечение ВПС в большинстве случаев проводится с разрезом грудины, в результате чего проводится частичное или полное удаление тимуса.

Проведенные исследования показали, что отсутствие у ребенка центрального органа иммуногенеза после операции ведет к снижению врожденного и адаптивного иммунитета. Высока и смертность таких детей. По данным Четвертных В.А.(2011), экспериментальное удаление тимуса или врожденное его отсутствие вызывает отставание в росте и выраженные явления иммунодефицита.

В послеоперационном периоде основная задача врача кардиолога и педиатра направлена на адаптацию сердечнососудистой системы ребенка. Оценка же иммунной системы ребенка этой категории больных в динамике не проводится. Катамнестическое наблюдение в послеоперационном периоде требует тщательного наблюдения и обязательной коррекции иммунного и тимико –кортикального статуса больных детей с ВПС.

Цель исследования: изучение состояния нейро-гуморальной регуляции при врожденных пороках сердца у детей.

Материалы и методы: Объектом исследования были 160 детей с ВПС. Из них 88 мальчиков и 72 девочек, в возрасте от 1 месяца до 18 лет. Больные дети с ВПС находились в отделении детской кардиологии Бухарского областного многопрофильного детского медицинского центра (г.Бухара) в периоды 2010- 2015 гг.

Контрольную группу составили 60 здоровых сверстников (34 мальчика и 26 девочек). Верификацию ВПС проводили по требованиям Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), классифицировали по международной классификации болезней (МКБ-10).

Всем больным проведены клиничко- иммунологические, биохимические, лабораторные и функциональные исследования. А также проведены ДоЭХОКГ, ЭКГ, рентгенографические исследования. Изучены показатели клеточного и гуморального иммунитета, цитокиновый (ИЛ-8, ИЛ-10, ФНО- α), тиреоидный (Т3, Т4, ТТГ) и кортикоидный статус (кортизол).

Методом математического моделирования (2000) разработана программа прогнозирования течения ВПС у детей (Свидетельство № DGU02417, 15.02.2012 г).

Результаты исследований обработаны статистическими методами.

Результаты исследования: Больные дети с ВПС были распределены по М.Ф. Зиньковскому на 3 группы:

1 группа больных с критическими пороками сердца. Хирургическое вмешательство у таких детей должно быть выполнено в первые часы или дни жизни- 3 (6,8%);

2 группа больных, которым ранняя оперативная коррекция ВПС не показана из-за незначительных нарушений гемодинамики- 18 (40,9%);

3 группа больных с неоперабельными ВПС или неоперабельные пациенты по соматическому состоянию- 23 (52,3%).

Наблюдаемая группа состояла из оставшихся 116 больных детей с ВПС. Среди них больных, которым показана плановая операция-79 (68,2%), которым была проведена оперативная коррекция ВПС-37 (31,8%).

Структура ВПС наблюдаемой группы составила: ДМЖП-47 (40,5%), ДМПП-12 (10,3%), Транспозиция магистральных сосудов (ТМС) -15 (13,0%), Тетрадо Фалло-25 (21,5%), ОАП-11 (9,5%), Стеноз легочной артерии (СЛА) -6 (5,2%).

Показатели иммунограммы детей в до операционном периоде в зависимости от вида ВПС были разнообразными. При ДМЖП и ДМПП наблюдается дефицит уровня Т-лимфоцитов –хелперов, повышение киллерной активности и уровня CD23+-клеток, Ig A ($P<0,05$). При транспозиции магистральных сосудов (ТМС) наблюдается глубокий дефицит Т-лимфоцитов и Т-хелперов, повышение супрессорной и киллерной активности. Также повышены уровни клеток пролиферативной активности (CD23 и CD95, ЦИК). При тетраде Фалло –дефицит Т-лимфоцитов/хелперов, повышение ФНО- α , повышение Ig M и A;

В послеоперационном в течение первых 6 месяцев периоде: при ДМПП наблюдается повышение индекса иммунорегуляции (CD4/CD8); при ДМЖП - повышение относительного содержания НК-клеток в 2,4 раза($P<0,01$) и 4-кратное повышение титра ИЛ-10 и ФНО- α ; при ТМС и тетраде Фалло- дефицит уровня Т-лимфоцитов с повышением супрессорной (CD8) и, особенно, киллерной (CD16) активности. Уровень клеток с молекулой апоптоза (CD95) и ИЛ-8 повышен.

Исследование концентраций иммуноглобулинов G, A и M показало снижение синтеза Ig A при всех видах ВПС.

Анализ цитокинового статуса больных детей показал 4-кратное повышение титра ИЛ-10 и ФНО- α , что указывает об усилении пролиферативных процессов и коагуляции при ДМЖП. Следовательно, результаты свидетельствуют о сложном иммуномодулирующем действии ФНО- α , который является единственным цитокином, обуславливающий высокий уровень продукции ИЛ-10. Описанный еще Wanidworanum S., существование уникальной саморегуляции ФНО- α по принципу обратной связи с ИЛ-10, объясняется разнонаправленным иммуномодулирующим действием ФНО- α , что проявляется и при ВПС, в частности при ДМЖП.

Результаты тимико-кортикального статуса в до операционном периоде показали: при ДМПП- снижение уровня как общего, так и свободного Т3, повышение свободного Т4; при ДМЖП- снижение общего Т3, а также общего и свободного Т4; при Тетраде Фалло- снижение общего Т3, повышение свободного Т4; при ТМС- снижение как общего, так и свободного Т3 и кортизола.

В послеоперационном периоде при всех видах ВПС наблюдается снижение как общего так и свободного Т3 и Т4- (вторичный гипотиреоз), а для ТМС характерен еще и транзиторный гипокортицизм.

Заключение:

1. Состояние регуляции иммунитета у детей при ВПС характеризуется активацией В-клеточного звена на фоне дисбаланса в популяции Т-лимфоцитов.
2. При ВПС, в частности ДМЖП характерно разнонаправленное иммуномодулирующее действие ФНО- α . Иммунный статус при этом направлен на усиление пролиферативных процессов и коагуляции.
3. Состояние нейро-гуморальной регуляции организма определяет течение ВПС. При этом характерна дисфункция желез внутренней секреции. До и после операционный период течения ВПС сопровождается дисфункцией щитовидной и вилочковой, а также гипофункцией надпочечниковых желез: наблюдается вторичный гипотиреоз, а для ТМС характерен транзиторный гипокортицизм.
4. Прогноз естественного течения ВПС зависит от состояния нейро-гуморальной регуляции, вида и размера порока.

Список используемых источников информации

1. Бешляга В., Лазоришинец В. Эхокардиография в сердечно-сосудистой хирургии новорожденных // Доктор. — 2005. — № 2. — С. 52-55.
2. Верновский Г., Рубенштейн С. Давид. Дослідження в перинатології. Серцево-судинні захворювання у новонароджених. — К.: Молодь, 2004. — С. 5-96.
3. Виноградов К.В. Врожденные пороки сердца у детей: распространенность и современное состояние проблемы.- Журнал «Здоровье ребенка» 6(9) 2007.- с.13-19.
4. Дегтярова Е.А. Иммунологическая недостаточность и иммунореабилитация в детской кардиологии.-М.-2003.
5. Дударев И.В. Иммунологическая и гемодинамическая характеристика детей с врожденными пороками сердца синего' и белого типов // Иммунология.- 2002. - №-3. - С.167-170.
6. Зиньковский М., Лазоришинец В., Руденко Н. Принципы лечения детей с врожденными пороками сердца // Доктор. — 2003. — № 2. — С. 23-25.
7. Ким А.И., Бокерия Л.А., Подзолков В.П., Ильин В.Н., Туманян М.Р. Сердечно-сосудистые заболевания у новорожденных: кардиологические и хирургические проблемы // Вестник Российской академии медицинских наук. — 2003. — № 12. — С. 77-80.
8. Кнышов Г.В. Сердечная хирургия: задачи и перспективы // Доктор. — 2003. — № 2. — С. 9-11.
9. Кнышов Г.В. Кардиохирургия в Украине: прошлое, настоящее, будущее // Серце і судини. — 2003. — № 1. — С. 8-14.
10. Ковальчук Л.В. Проблемы клинической иммунологии в свете новых представлений о врожденном иммунитете// Лекции по педиатрии. Иммунология.-Москва., том 9,- 2010.-с.18-33.
11. Лук'янова І.С., Сопко Я.О. Вроджені вади серця у плода: основні аспекти етіології та фактори ризику // Перинатологія та педіатрія. — 2004. — № 2. — С. 47-50.
12. Мутафьян О.А. Врожденные пороки сердца у детей. — М.: BINON publishers, 2002. — С. 11-21.
13. Нагорная Н.В., Виноградов К.В. Клинические проявления врожденных пороков сердца у детей// Журнал «Здоровье ребенка» 5(20) 2009.- с.5-11.
14. Осокина Г.Г., Абдулатипова И.В., Корсунский А.А. Структура заболеваемости и смертности у детей первого года жизни // Физиология и патология сердечно-сосудистой системы у детей первого года жизни / Под редакцией М.А. Школьниковой, Л.А. Кравцовой. — М.: ИД «Медпрактика», 2002. — С. 146-160.
15. Руденко Н.М., Малишева Є.О., Ханенова В.А. та ін. Лікувальна тактика у дітей з природженими вадами серця // Нова медицина. — 2004. — № 4. — С. 62-63.

Наврүзова Ш.И., Ачилова Д.Н.

HLA полиморфизм при бронхообструктивном синдроме в условиях коморбидности

*Бухарский Государственный Медицинский институт
(Узбекистан, Бухара)*

*doi 10.18411/scc2016-3-09
idsp 000001: scc2016-3-09*

Сегодня известно, что продукты системы HLA – ее антигены- обеспечивают функциональное взаимодействие практически всех клеток организма и в первую очередь иммунной системы [2,5,7,]. Предпосылкой для проведения таких работ послужило, с одной стороны, наличие полиморфизма системы HLA, в которой

установлено более 2000 аллелей, а с другой – данные о том, что некоторые из них ассоциированы с предрасположенностью или устойчивостью к отдельным заболеваниям, что могло объясняться физиологической взаимосвязью между антигенами системы HLA и иммунным статусом человека [10,11,12,13].

Целью исследования явилось изучение HLA полиморфизма при бронхообструктивном синдроме в условиях коморбидности.

Материал и методы исследования. Было проведено исследование по изучению распределения HLA-антигенов, генов I класса и гаплотипов у 146 детей узбекской национальности, больных обструктивным бронхитом (ОБ). Контрольную группу составили 118 практически здоровых детей узбекской национальности. Иммуногенетические исследования проведены в лаборатории иммуногенетики Института иммунологии АН РУз. Антигены HLA были тестированы стандартным двухступенчатым микролимфоцитотоксическим тестом с помощью панели гистотипирующих сывороток НИИ Гематологии и переливания крови (Санкт-Петербург, Россия). В ходе исследования всего выявлено 38 антигенов HLA-A, B и C-локусов. На основании полученных данных рассчитана частота встречаемости антигенов, которая сравнивалась с частотой антигенов в контроле. Статистическая обработка проводилась по Л.А.Певницкому [8]. Для подтверждения выявленных ассоциативных связей HLA-антигенов с заболеванием и для установления истинности ассоциаций рассчитано коррелированное значение P_c , обозначаемое P_c , которое определялось по формуле Бонферони $P_c = P \times N$, где N – число выявленных антигенов.

Семейный анамнез показал 32,0% больных детей ОБ с отягощенной аллергической наследственностью. Наиболее частыми заболеваниями у родственников больных были поллиноз (51,3%), бронхиальная астма (БА) (28,2%), лекарственная аллергия (ЛА) (7,7%). В значительной мере реже отмечались аллергические дерматиты (АД) и инсектная аллергия (ИА).

В зависимости от клинических проявлений и степени сенсibilизации организма больных детей были выделены три группы. Первую группу составили больные ОБ в коморбидности с аллергическим ринитом (АР).

Вторую группу составили больные с ОБ и аллергического риноконъюнктивита (АРК).

В третью группу включили больных, с клиническим проявлением БА с АРК.

Результаты и их обсуждение: Частотные особенности HLA в зависимости от клинического полиморфизма изучены в трех группах. Среди 84 больных с манифестацией риноконъюнктивального синдрома отмечено превышение частоты встречаемости следующих антигенов HLA: A10 с частотой 23,8 % вместо 12,6 в контроле ($\chi^2=5,2$; $P<0,05$; $P_c>0,05$; $RR=2,2$; $EF=-0,13$), B40 (23,8% вместо 9,8% в контроле) ($\chi^2=9,5$, $P<0,01$; $P_c=0,17$; $RR=2,9$; $EF=0,16$). В данном случае не установлен истинно ассоциированный ген-маркер.

В группе больных с БА часто присутствовал HLA-B40 (32,1% $\chi^2=9,9$, $P<0,03$; $P_c=0,31$; $RR=4,4$; $EF=0,25$, истинная связь отсутствовала) (табл.1).

В 3-группе, у больных часто и достоверной разницей присутствовали фенотипы HLA – Cw2 (35,1% против 17,1%, $\chi^2=5,3$; $P<0,05$; $P_c=1,5$; $RR=2,6$; $EF=0,22$) и HLA - B40 (47,1%, $\chi^2=31,0$, $P<0,001$; $P_c<0,05$; $RR=8,2$; $EF=0,41$, установленная разница является истинной).

Таблица 1.

Частота антигенов HLA в зависимости от его клинического проявления ОБ

HLA	Контроль n=118	АР n=84	АРК n=34	БА n=28
A1	21.1	23,8	35,7	35,7
A2	38.2	34,5	41,2	32,1
A3	19.1	20,2	23,5	10,7
A9	21.5	20,2	23,5	14,3
A10	12.6	23,8*	20,6	14,3
A11	17.1	22,6	26,5	14,3
Aw19	11.0	11,9	8,8	14,3
A25	0,4	1,2		
A28	4.5	7,1	8,8	10,7
A29	-	4,8	5,9	3,6
A30	7.3	9,5	8,8	14,3

A32	0.8	3,6	11,8	3,6
Aw33	-	3,6	2,9	
B5	23.6	16,7	14,7	21,4
B7	11.8	8,3	8,8	3,6
B8	4.5	7,1	11,8	10,7
B12	8.5	9,5	8,8	10,7
B14	8.5	-	2,9	7,1
B15	4.5	7,1	5,8	3,6
B16	5.7	5,9	2,9	3,6
B17	11.4	11,9	2,9	14,3
B18	2.0	5,9	5,9	3,6
B21	11.4	9,5	2,9	17,9
Bw22	1.6	1,2		
B27	6,1	2,4		3,6
B35	24.0	15,5	17,6	21,4
B40	9.8	23,8*	47,1**	32,1*
B41	6.9	4,8	8,8	7,1
Bw50	4.0	1,2		
B51	2.0	1,2		
Cw2	17.1	22,6	35,1*	17,9
Cw3	10.2	10,7	14,7	17,9
Cw4	39.0	29,8	29,4	39,3
Cw5	4.6	9,5	5,9	
Cw6	5.5	10,7		7,1

* - $P < 0,05$ ** - $P_c < 0,05$ Частоты представлены в %

n - количество обследованных лиц в группах

На основании выше изложенного следует, что истинным маркером предрасположенности к АРК является HLA - B40.

Как известно, при проведении популяционных исследований по проблеме «HLA и болезни» самым необходимым элементов является учет национальной структуры обследованных лиц. Учитывая данное обстоятельство, нами было проведено популяционное распределение антигенов при АР у 146 детей узбекской национальности.

Анализ данных литературы достаточно убедительно свидетельствует о том, что многочисленность проведенных исследований, посвященных генетическим аспектам атопических заболеваний, не является случайным фактом [9,10,12,13]. Интенсивные исследования последних десятилетий способствовали достаточно ясному пониманию многих «условных» механизмов реализации генетического контроля в предрасположенности к заболеваниям [2,11].

Данные, приведенные в литературном обзоре, свидетельствуют, что популяционному изучению антигенов HLA при АР посвящены лишь единичные работы [3]. Для АР очень важным является выбор больных с учетом их популяционной структуры, поскольку в связи с различным ландшафтным распространением пыльцы, она, по-видимому, должна иметь «свое» отношение к аллоантигенному субстрату макроорганизма [1,4,6].

В результате проведенных исследований популяционного значения частот встречаемости аллелей HLA при ОБ, установлено следующее:

При данной патологии среди обследованных больных часто проявлялись фенотипы с HLA-B13 и B40 положительными антигенами по сравнению со здоровыми индивидуумами той же популяции. Присутствие этих фенотипов при АР было в 2-3,5 раза чаще. Достоверная разница в представительстве этих продуктов HLA было несомненной ($P < 0,05$). Истинно-ассоциированным антигеном АР оказался HLA-B40. Ассоциация между HLA-B13 и B40 с АР обнаружена впервые, поскольку в литературе нет фактов в пользу участия этих антигенов в наследственной предрасположенности к данной патологии. Основание для утверждения истинности ассоциации HLA-B40 явилось значение $P_c < 0,05$. Подтверждением этому является и высокий по сравнению с HLA-B13, уровень RR, составивший для HLA-B40 - 4,0, а также показатель этиологической фракции – 0,23.

Среди единичных проведенных исследований (В.В.Яздовский (1984), А.Г. Гургенидзе (1989), посвященных популяционным основам распределения антигенов HLA при сезонном АР (поллиноз) констатируется ассоциация с аллелями HLA-A3, B7 и DR2 [13]. Утверждается, что антигены B7 и DR2 являются маркерами полисенсibilизации у больных поллинозом. Возможно, что в эволюционной иерархии существовал средний ген между HLA-B7 и B40 с порогом чувствительности к IgE-опосредованным заболеваниям, в

данном случае к АР. Однако, в результате дивергентного триггера, лица узбекской национальности приобрели чувствительный к атопии детерминантный ген HLA-B40, тогда как коренные европейцы - HLA-B7 [9,13].

Более того, здесь уместно было бы констатировать факт о том, что в исследованиях, проведенных в узбекской популяции обнаружена тесная связь гена HLA-B40 с предрасположенностью к бронхиальной астме и в значительной степени сильнее к атопической ее форме [9]. Эти данные хорошо согласуются с нашими представлениями о существовании дивергентного механизма наследования атопических заболеваний, связанных с полиморфизмом HLA. Это является свидетельством очевидности маркерной роли HLA в предрасположенности не только к АР, но и другим IgE-опосредованным заболеваниям человека. Более того, преимуществом этого направления является и то, что не проводя специализированных аллергологических исследований, можно априори сделать прогноз об уровне подверженных лиц к атопиям среди местных жителей региона.

При анализе фенотипа и гаплотипических вариантов HLA при АР показал следующее:

Среди сочетания аллелей В-локуса доминировали комбинации HLA-B13-B40 и В8-B40. Установлено, что при сочетанном присутствии в фенотипе лиц генов HLA-B13-B40, наблюдается сильное влияние генетических факторов, сцепленных с HLA.

Для ряда гаплотипических ассоциаций (A2 /B40, A9/B12, A10/B7 A28/B13) было характерным их частое присутствие. Для всех этих гаплотипов отмечено неравновесное сцепление между генами. Следует отметить, что сравнивая гаплотипы A2 /B40, A9/B12, A10/B7 A28/B13 с таковыми гаплотипами здоровой популяционной группы установили существенный риск к АР у их «обладателей». Наибольший уровень RR зарегистрирован в отношении A28/B13 (34,0). При поллинозе среди представителей грузинской национальности найдена связь с гаплотипами A2/B40 и A28/B13 [3].

Серологическое типирование показало, что как при АР, так и АБА существенным маркером является HLA-B40. Однако в связи с этим возникает естественный вопрос, - не является ли данный ген общим геном в предрасположенности к атопиям? По результатам серологического исследования следует отметить, что для АР наряду с детекцией антигена HLA-B40, нужно подтверждение и по HLA—B13, тогда как, для БА - HLA-A28.

В нашем исследовании, в группе больных детей с «дебютом» АР до 2 лет часто присутствовали HLA-фенотипы с В8 и В40 положительными антигенами. В группе больных детей с «дебютом» свыше 2-х лет, преобладали профили с HLA-B13 и В40.

Распределение антигенов среди полов было практически сходной за исключением более редкого представительства антигена HLA-35 среди мальчиков и HLA-B5 –среди девочек. Общими маркерами повышенного представительства явились HLA-B13 и В40, т.е. не найден спектр варибельности по маркерам HLA в соответствии с половыми различиями.

В исследованиях у 1/3 больных детей выявлен фактор наследственной отягощенности к АР. В этой группе отмечена сильная концентрация антигенов HLA-B13 и особенно HLA-B40.

Результаты анализа клинко-генетических вариантов заболевания способствовали обнаружению ряда особенностей в распределении. Дискриминация признака АР касалась клинической манифестации и одновременного учета фенотипических проявлений. В группе детей с клиническим проявлением АР и конъюнктивита преобладали HLA-A10, В13 и В40. Выявленная связь в группе больных с БА и связь с HLA-Cw2 и В40 найдена с проявлением ОБ аллергического генеза. Все это указывает на общность HLA-механизмов патогенеза различных клинических проявлений АР и ОБ.

Список используемых источников информации

1. Акобиров М.А., Джураев М.Н. Факторы риска развития поллинозов у детей в условиях жаркого климата // Российский педиатрический журнал 1'2007, с57-58.
2. Алексеев Л.П., Хаитова Н.М., Яздовский Б.Б. Ассоциированная с HLA предрасположенность к заболеваниям и некоторые механизмы ее реализации // Вест, АМН СССР, -1988, -N 5, - С, 30-38,
3. Гургенидзе Г.В., Гамкрелидзе А.Г., Готуа М.А. Антигены HLA и семейное исследование больных аллергозами дыхательных путей // Иммунология. – 1989., №1. - С.85-87
4. Ещанов М.К. Особенности распространенности аллергических заболеваний у детей, проживающих экологических неблагоприятном регионе // Педиатрия. - 1999. - №3. - С.52-53.
5. Макшаева Э.Т. Молекулярно-генетическая характеристика распределения DR и DQ генов HLA II класса генов в узбекской популяции // Журнал теоретической и клинической медицины, №3, 2003. 35 с.

6. Наврузова Ш.И. Распространенность и клиника респираторных аллергозов у детей, проживающих в экологически неблагоприятных условиях // Педиатрия.-Ташкент.- 2000.- №1.- С.61-64.
7. HLA-антигены у больных системной красной волчанкой в узбекской популяции Н.С.Латипова, А.Л.Аляви, Р.М.Рузибакиев, Б.Т.Даминов// Иммунология №6, М., Медицина, 2000, с. -56-59.
8. Певницкий Л.А. Статистическая оценка HLA-антигенов с заболеваниями//Вестник Академии МН СССР №7, М., Медицина, 1988. С.48-52
9. Рахимова Д.А. HLA-маркеры при бронхиальной астме в узбекской популяции.// Автореф.дис.канд.мед.наук.-Ташкент. 1993. 19 с.
10. Распределение аллелей HLA классов I, II и III в узбекской популяции. Л.П.Алексеев, Р.М.Хайтов, К.А.Исраилов, А.Т.Исхаков, В.В.Яздовский // Иммунология, №3, Москва «Медицина», 1996, с. 23-25.
11. Хайтов Р.М., Алексеев Л.П. Физиологическая роль главного комплекса гистосовместимости человека // Иммунология №3, Москва «Медицина», 2001, с.-4-12.
12. Юлдашева Н.Ю., Прохорова Р.С. Сравнительный анализ генетических дистанций между некоторыми аллелями комплекса HLA// Журнал Теоретической и клинической медицины, №3, 2003. С.58-59 .
13. Яздовский В.В., Воронин А.В., Алексеев Л.П. HLA-генетический профиль русской популяции// Иммунология №2, М., «Медицина», 1998, с. -30-31.

Рыбак В.А., Шокар А.

Система поддержки принятия решений в области управления параметрами экологичности промышленных проектов

*Белорусский национальный технический университет
(Республика Беларусь, Минск)*

doi 10.18411/scc2016-3-10

idsp 000001: scc2016-3-10

Rybak V.A., Chokr A.

Decision support system in the field of control of environmental parameters of industrial projects

This article describes the decision support system for the management of industrial production, taking into account their ecological and economic parameters. This is especially true in terms of choice of the most effective projects in the context of limited financial resources. Allocated and implemented subsystems: processing and storage of inventory information, environmental parameters of industrial projects, forecasting using fuzzy set theory. A general scheme of the system, providing for a return to the stage of formulation of the problem in the case of inappropriate decisions, is shown.

В настоящее время уровень развития общества во многом обуславливается степенью использования и разработки информационных технологий. Во всех сферах жизнедеятельности человека с успехом используются персональные компьютеры, сетевые технологии, программное и информационное обеспечение.

Однако область рационального природопользования и охраны окружающей среды обладает рядом особенностей, основные из которых – нелинейность моделей, необходимость учёта большого количества показателей, административно-командное управление, что в свою очередь существенно замедляет процесс внедрения стандартных, теоретически обоснованных и практически отработанных методов и средств.

В связи этим, представляет научный интерес разработка системы поддержки принятия решений для управления промышленными проектами с точки зрения соответствия их параметров современным требованиям охраны окружающей среды.

Для реализации такой системы были решены следующие задачи: анализ существующих методов и средств автоматизации обработки предметной информации, разработка, обоснование и реализация сетевой модели для обработки и отображения параметров экологичности, создание программных средств автоматизации ведения кадастров природных ресурсов, разработка методики прогнозирования показателей экологичности проектов в условиях риска и неопределённости.

Проведённый анализ позволил выделить необходимые методы и средства обработки и отображения распределённой информации, которые позволят осуществить разработку иерархической сетевой модели мониторинга параметров

экологичности промышленных инновационных проектов, что даст возможность собирать, хранить, обрабатывать и представлять предметные данные в требуемом пользователями виде, как в пакетном (off-line), так и в режиме (on-line) реального времени.

Для организации удалённого доступа пользователей системы к базе данных обоснованным является использование существующего выхода в Интернет с применением механизмов аутентификации, идентифицирующих удаленный компьютер, с которого осуществляется доступ к системе, антивирусных программ, производящих проверку поступающей электронной почты, списков маршрутов доступа, используемых для фильтрации дейтаграмм, брандмауэров (аппаратно-программных средств межсетевой защиты), позволяющих организациям применять разные способы защиты информации.

Проведённые исследования позволяют сделать вывод о том, что модель хранения и обработки данных о параметрах экологичности инновационных проектов детерминирована следующими основными функциями объектов автоматизации: планированием и контролем выполнения инновационных проектов по стадиям (этапам) их прохождения, объёмам и источникам финансирования, объёмам производства инновационной продукции по каждому инновационному проекту, в разрезе организаций, отраслей регионов, малых и средних городов; формированием сводных аналитических данных по выполнению запланированных мероприятий и показателей по кварталам и годам; формированием и систематизацией причины невыполнения мероприятий, показателей реализации инновационных проектов.

Практическая значимость разработки и внедрения автоматизированных средств мониторинга инновационных проектов заключается в том, что они позволят обеспечивать постоянный контроль за ходом реализации проектов на всех уровнях и принимать адекватные меры для повышения эффективности инновационной деятельности на уровне республики, отдельных отраслей и регионов.

Основными параметрами, от которых зависит работоспособность, безопасность и надёжность функционирования автоматизированной системы являются: санитарно-гигиенические условия рабочих помещений и эргономика рабочего места обслуживающего персонала, грамотность подготовки и реализации мероприятий по вводу системы в эксплуатацию, квалификационные требования к обслуживающему персоналу, организационное обеспечение функционирования системы и её сопровождение. При этом необходимо использовать только сертифицированное и лицензионное аппаратное и программное обеспечение.

Разработанная сетевая модель движения потоков информации позволяет осуществить автоматизацию основных функций мониторинга с использованием современных сетевых технологий с целью управления эффективностью реализуемых инновационных проектов.

Для реализации предложенной модели был разработан специализированный Интернет-портал. При этом для создания ресурса в едином стиле были использованы каскадные таблицы стилей, основная идея которых состоит в отделении логической разметки от оформления. Это позволило разработать достаточно дружелюбный, удобный и интуитивно понятный интерфейс, обладающий также обширными возможностями редактирования, импорта и экспорта данных.

Распределение прав доступа к кадастровой информации, хранящейся на сайте, является средством защиты от несанкционированного просмотра и осуществляется Администратором системы. Зарегистрированные пользователи системы наделяются правами просмотра всей информации и возможностью редактирования собственного ресурса. При необходимости средства обратной связи на сайте позволяют пользователям оперативно связываться с Администратором системы.

Новизной в разработанной системе управления кадастровой информацией является также реализация функций географической привязки ресурсов и построения графиков.

Разработанные новые методы и средства автоматизации ведения кадастров природных ресурсов, обладают повышенной производительностью, информационной надёжностью и высокими эксплуатационными характеристиками распределённой

обработки информации, обусловленные использованием новейших web-технологий, удалённым доступом и хранением предметных баз данных на специализированном сервере-хосте, что в совокупности повышает надёжность системы и позволяет предоставить конечному пользователю постоянный дифференцируемый доступ без установления на рабочем месте специализированных инструментальных средств (СУБД) при сокращении временных затрат в 4-7 раз.

Разработанные и реализованные требования к Интернет-Порталу позволяют обеспечить надёжность и эффективность функционирования системы сбора, хранения, обработки и отображения распределённой информации о параметрах инновационных проектов.

Информационная и логическая структура Портала для автоматизации процесса обработки и отображения параметров промышленных проектов разработана с учётом поставленных задач и позволяет пользователям осуществлять обратную связь с Администратором, добавлять и редактировать новости, просматривать регламент и осуществлять статистическую обработку параметров инновационных проектов.

К новым научно-методическим принципам осуществления мониторинга эколого-экономической эффективности инновационных проектов относится, прежде всего, предложенный алгоритм сравнения параметров на уровне отраслей (с учётом существующих трёх подуровней) с нормированием по среднему показателю, что позволяет осуществлять ранжирование данных от различных министерств и иных органов государственного управления.

Экономический эффект от использования разработанного инструмента достигается за счёт сокращения временных и трудовых затрат на пересылку и обработку параметров экологичности инновационных проектов. Практическая значимость, в том числе, выражается в возможности для организации сопоставления результатов как в динамике, так и по сравнению с другими пользователями Интернет-Портала.

Также разработаны и внедрены программные средства для автоматизации расчёта и анализа риска воздействия на здоровье населения загрязняющих веществ в атмосферный воздух, обусловленных выбросами промышленных объектов, позволяющие повысить эффективность работы профильных специалистов за счёт снижения трудовых затрат при оценке риска в 3-7 раз.

Вместе с тем, в процессе анализа перспектив развития создаваемых и функционирующих производств часто возникает необходимость в прогнозировании изменения различных параметров. При этом в реальных условиях лицо, принимающее решение, как правило, не обладает полной и достоверной информацией, необходимой для обоснованного применения вероятностных методов. Для решения обозначенной проблемы была разработана новая методика прогнозирования, базирующаяся на теории нечётких множеств, что позволяет использовать реальную информацию в лингвистическом виде и снизить влияние неопределённости исходных данных.

Суть методики заключается в том, что эксперты представляют свои оценки в виде нечёткого множества. При этом есть возможность выбирать различные формы функции принадлежности. Далее происходит расчёт суммы значений, полученных от экспертов и экстраполяции (рисунок 1), с учётом значимости каждого компонента. Для получения прогноза в числовом виде выполняется деффазификация – перевод из нечёткой формы в чёткую (рисунок 2).

В общем виде структура разработанной системы представлена на рисунке 3. Как видно из рисунка 3 при прохождении всех этапов, если полученное решение не удовлетворяет требованиям, предусмотрена обратная связь – возврат на этап постановки задач. При этом важно не только заново переформулировать задачу, но и при необходимости получить дополнительные данные.

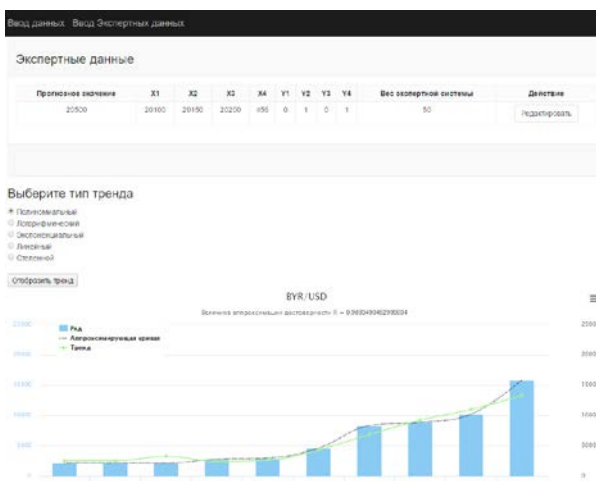

Рисунок 1 – Функция построения графика (тренда)

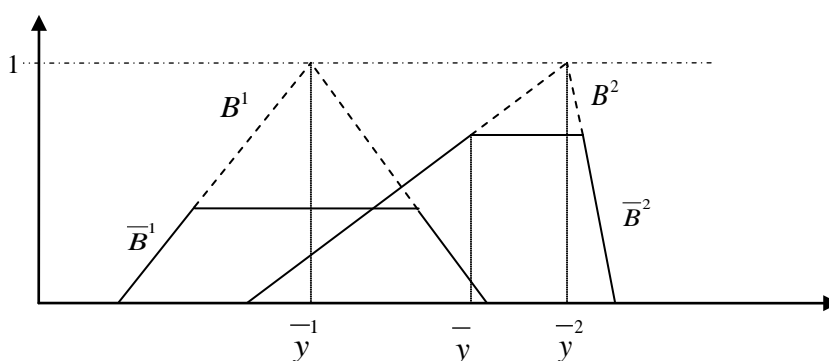

Рисунок 2 – Диффузификация по среднему центру

Рисунок 3 – Обобщённая схема предложенной системы

Таким образом, проведённые исследования позволили получить следующие основные результаты:

1. Выполнен анализ существующих научных принципов, методов и средств автоматизации процессов сбора и обработки предметных данных в области охраны окружающей среды и инновационного развития. Выявлены основные особенности существующих автоматизированных систем (жёсткая привязка к операционной системе, локальность, невозможность предоставления постоянного доступа удалённым пользователям), которые не позволяют эффективно их использовать для осуществления оперативного контроля и принятия управленческих решений. Разработаны и обоснованы основные требования к создаваемым программным продуктам с использованием современных сетевых технологий.

2. Разработана новая иерархическая модель системы мониторинга инновационных проектов, хранения и обработки распределённой информации. Выделены приоритетные с точки зрения автоматизации функции мониторинга инновационных проектов (сбор, хранение и обработка статистических показателей по заданному отчётному периоду), систематизированы наиболее значимые показатели выполнения проектов (стоимость, проектная мощность, динамический срок окупаемости инвестиций, индекс рентабельности). Сформулированы и обоснованы компоненты автоматизированной системы мониторинга (анкета мониторинга проектов, аналитическая информация Организаций-исполнителей и Государственных заказчиков, аналитические отчёты, Интернет-портал, аппаратное обеспечение, мероприятия по сопровождению), требования к надёжности и отказоустойчивости системы.

3. Предложена информационная модель для хранения и обработки информации о кадастрах природных ресурсов. Разработаны и апробированы программные средства автоматизации процесса сбора и обработки соответствующих данных, позволяющие снизить трудовых затрат в 4-7 раз по сравнению с предыдущей версией автоматизированной информационной системы "Кадастры". Выбраны и обоснованы инструментальные средства разработки, включая языки программирования и системы управления базами данных. Для создания ресурса в едином стиле были использованы каскадные таблицы стилей, преимущество которых состоит в отделении логической разметки от оформления. Это позволило разработать пользовательский интерфейс, обладающий обширными возможностями редактирования, импорта и экспорта данных.

4. Разработаны алгоритм и программные средства для автоматизации сбора, хранения, обработки и отображения информации о параметрах экологичности реализуемых проектов (на примере Государственной программы инновационного развития Республики Беларусь), позволяющие сократить временные затраты при обработке данных на 35-40%. Информационная и логическая структура созданного Интернет-портала разработана с учётом поставленных задач и позволяет пользователям осуществлять обратную связь с Администратором, добавлять и редактировать новости, просматривать регламент системы и осуществлять статистическую обработку параметров инновационных проектов. Для управления Порталом разработаны и интегрированы специальные средства администрирования прав доступа к информации отдельных пользователей и групп, инструменты резервного копирования и восстановления как отдельных таблиц, так и всей базы данных. Разработаны программные средства для автоматизации расчёта и анализа риска воздействия на здоровье населения загрязняющих веществ в атмосферном воздухе, обусловленных выбросами промышленных объектов, позволяющие повысить эффективность работы профильных специалистов за счёт снижения трудовых затрат при оценке риска в 3-7 раз.

5. Разработанная методика прогнозирования параметров экологичности позволяет за счёт использования теории нечётких множеств учесть фактор неопределённости и использовать экспертные оценки для получения адекватных экстраполяционных моделей.

Салимгареева Э.Р., Козлова Ю.Б.

Роль государственной политики в адаптации коренных народов севера России в современном информационном обществе

*Уфимский государственный технический университет
(Россия, Уфа)*

*doi 10.18411/scc2016-3-11
idsp 000001: scc2016-3-11*

Abstract: In today's information society is actualized the problem of adaptation of indigenous peoples of the North. Solve it called upon the program and the development of the concept, developed at the federal and regional level. These policy provisions are considered in the article. It stresses the importance of social and cultural component of the mobilization potential of the spiritual sphere of Indigenous Peoples of the North.

Keywords: small peoples of the Russian North, the information society, the problem of adaptation, public policy, the concept of development, the development of the program.

Аннотация: В современном информационном обществе актуализируется проблема адаптации коренных народов Севера. Решить ее призваны программы и концепции развития, разрабатываемые государством на федеральном и региональном уровне. Эти программные положения рассматриваются в статье. Подчеркивается значение социокультурного компонента, мобилизации потенциала духовной сферы коренных народов Севера.

Ключевые слова: малые народы Севера России, информационное общество, проблемы адаптации, государственная политика, концепция развития, программа развития.

Во всем мире коренные народы являются носителями этнокультурного разнообразия, которое способствует как региональному, так и общемировому развитию. К коренным народам Севера официально относят около 40 народов. Общая их численность, по переписи 2010 г., составила 257,9 тысяч человек [1]. Это народы, сохраняющие самобытный уклад, проживающие на территориях традиционного проживания, осознающие себя самостоятельными этническими единицами. Примерно 65 процентов народов Севера проживают в сельской местности, что определяет их тип хозяйствования (охота, рыболовство, оленеводство), и активизирует особые системы природопользования, мировоззрения, культуры.

В начале XXI в. с новой точки зрения рассматривается место северных территорий в современной России и роль проживающих здесь народов. Север позиционируется как уникальная природно-экологическая и стратегическая территория причем эта тенденция просматривается в политике многих государств – не только России, но и США, Канады, стран Скандинавии. Одной из актуальных тенденций практической политики становится не только поиск путей сохранения культуры коренных народов Севера, но и аккумуляция этих народов в современные общественные процессы что необходимо для активизации процесса освоения арктических территорий.

Информационное общество определяется как качественно новая ступень общественного прогресса, основанная на приоритетном использовании и значении информационно-коммуникационных технологий во всех системах жизни общества. Информационная техносфера обладает значительным социокультурным влиянием на человека, требует динамичности, пластичности, интеллектуализации, готовности к восприятию инноваций, что чрезвычайно повышает требования к «человеческому капиталу». Кроме того, трансформируются социальные связи, которые становятся все более «сетевыми», увеличивается плотность и скорость коммуникаций [2].

Под адаптацией понимается приспособление индивида к меняющимся средовым условиям. Современная адаптация коренных народов Севера к реалиям современной жизни предполагает, что, во-первых, происходит приобретение новых знаний, навыков и умений и, во-вторых, меняется психическая организация людей, их когнитивные и личностные процессы. В качестве факторов адаптации представителей коренных народов Севера. Исследователи (Ю.Б.Козлова, Э.Р.Салимгареева) рассматривают: внешние (социокультурная среда) и внутренние (когнитивные, коммуникативные, личностные) факторы [3].

Адаптация коренных народов Севера происходит на основе утверждения собственной этнической идентичности. В «Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» отмечается: «В конце XX – начале XXI веков произошел рост этнического самосознания малочисленных народов Севера. Возникли общественные объединения, учебные центры, ассоциации и профессиональные союзы (олeneводоов, морских зверобоев и др.) малочисленных народов Севера, деятельности которых оказывается государственная поддержка» [4]. Но это только первый шаг к последующему развитию – расширению представлений о мире, включению в современные процессы, происходящие в обществе.

На настоящем этапе отмечается противоречие между общемировыми процессами глобализации и информатизации и традиционными мировоззрением и

культурой коренных народов Севера. Современный мир и традиционный уклад жизни вступают в Арктике в непримиримое противостояние. Но, несмотря на все опасения, вхождение в информационное общество может иметь определенное положительное влияние на жизнь коренных народов Севера. Так, распространение информационных технологий, неизбежный в связи с этим рост уровня образования населения сделают возможным на уровне общества: использование опыта современного хозяйствования, поиск и внедрение эко-технологий, использование опыта научных и технических достижений. На уровне отдельного человека это использование сети Интернет как средства коммуникации, повышение культурного уровня, образования, вхождение в иные культуры и т. д.

Адаптация коренных народов Севера к реалиям информационного общества требует специальных управленческих усилий со стороны государства – разработки стратегий, программ, подготовки кадров, финансирования и др.

Приоритет в изучении развития коренных народов Севера принадлежит этнографам и историкам; описание особенностей жизни северных народов содержится в трудах Ю.В. Бромляя, И.С. Гурвича, А.В. Смоляк. Экономические и социальные аспекты жизни народов Севера изучали С.А. Арутюнова, Ф.С. Донской, Е.Г. Егоров, А.И. Черкасов. Культуру коренных народов Севера изучали, в различные временные периоды, многие российские ученые: А.Н. Давыдов, В.Ф. Зуев, О.Е. Каргополова, Н.В. Лукина, Г.Б. Старцев, Н.Г. Хайруллина, Л.В. Хомич и др. Большое значение для осмысления пути развития народов Севера имеют труды представителей Новосибирской школы этнофилософии и этносоциологии (А.П. Гудыма, С.Н. Еремин, В.В. Мархинин, Ю.В. Попков).

Несмотря на программные заявления государства, исследователи констатируют в России кризис государственной политики в отношении народов Севера.

Причиной неудачи российской государственной политики в отношении малых этносов Л.Н.Габдрахманов считает объектно-ориентированный подход. При этом подходе народы Севера представляются лишь как объекты управленческого воздействия, не стимулируется актуализация позитивных жизненных сценариев народов, не рассматривается культурно-языковой аспект [5].

В исследованиях Н.Э.Гареевой и С.Н.Шкеля показано, что современная государственная политика наследует устаревшие подходы (догоняющее развитие, объект-ориентированный подход), что угрожает насильственной ассимиляцией. Учет культурного своеобразия, как правило, носит внешний характер и не рассматривает устойчивые основы традиционного образа жизни, которые как раз и подрываются в результате межкультурных взаимодействий. Другая тенденция, основанная на идее сохранения культуры коренных народов Севера в неизменном виде, ведет к застойным явлениям, к вырождению и деградации народов. Долгое время провозглашалась узкоэкономическая обусловленность образа жизни коренных народов. Мировой опыт подтверждает, что переход к иной хозяйственной культуре сопровождается культурным шоком. Следовательно, нужны поиски, специальные усилия со стороны государства [6]. По мнению А.А.Махова и соавторов [7]., а также Э.С.Гареева и Н.В.Грогуленко, необходимо предложить, в частности программу адаптации молодежи в современной системе образования [8].

Также Ю.Б.Козлова, Э.Р.Салимгареева в своих работах подчеркивают важность целенаправленного формирования государственными и общественными структурами предпосылок социокультурной активности, необходимых для запуска механизмов саморазвития коренных народов Севера, в частности, активного брендинга северных территорий. Подобные государственные программы должны носить комплексный характер, сочетать развитие арктической культуры и науки и этнообразование. Только в этом случае возможно внедрение новых разработок для ускорения развития производственной и социальной инфраструктуры мест традиционного проживания коренных малочисленных народов Севера [9].

Хотя анализ состояния исследования проблемы показал, что имеется вполне обширный материал, касающийся проблем жизни коренных народов Севера, пути вхождения данных народов в современное информационное общество и процессы, происходящие в культуре коренных народов Севера в связи с процессами глобализации и информатизации, изучены недостаточно. В частности, не исследованы ресурсы и

механизмы влияния государственной политики на адаптацию коренных народов Севера в современном информационном обществе.

Исходя из вышеизложенного, необходимо изучение основ и нормативной базы государственной политики по адаптации коренных народов Севера России в современном информационном обществе.

Обь-Иртышский Север с глубокой древности был заселен угорскими и самодийскими племенами – предками ханты, манси, ненцев и селькупов. Ханты и манси в письменных источниках XI в. именовались югры. Как этническая общность ханты и манси складывались с конца I тысячелетия до новой эры по I тысячелетие новой эры. Связи с Русью восходят к XII в. Ханты и манси составляют особую обско-угорскую группу финно-угорских языков. Среди хантов выделяются три этнографические группы – северные, южные и восточные. Этнографические группы манси – северные, восточные, западные. Этнические группы отличаются диалектами, самоназваниями, культурными и хозяйственными особенностями. Традиционное занятие хантов и манси – речное рыболовство, таежная охота и оленеводство.

Основу устойчивого развития народов Севера составляют объективные предпосылки: компактное проживание, сохранение традиционного образа жизни, богатые природные ресурсы на территории проживания. Позитивные и негативные стороны развития народов Севера на различных исторических этапах определяются характером политики Российского государства в отношении этих народов.

Большое внимание проблеме развития коренных народов Севера уделяется на нормативно-правовом уровне. Ряд резолюций и документов принят Организацией Объединенных Наций, различными международными организациями. Важнейшие международные документы: Конвенция Международной организации труда «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах» (1989), Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии (2001), Декларация ООН о правах коренных народов (2007) [10]. Проблема сохранения и развития коренных народов выдвигается в них как задача общемирового значения.

В Конституции Российской Федерации есть статьи, посвященные гарантиям прав коренных народов Севера (статьи 69, 72), приняты несколько Федеральных законов (например, закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» от 30.04.1999 г.).

Программы развития являются определенной формой инновации, охватывающей значительные параметры общества и стимулируемой правящей элитой. В 2009 г. Правительством РФ была утверждена «Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ». Некоторые важные документы приняты на региональном уровне – например, в ХМАО-Югре в 2013 г. разработана и принята Программа социально-экономического развития коренных малочисленных народов Югры на 2014–2020 гг.

Ряд положений федеральной Концепции и региональной Программы затрагивают вопросы включения коренных народов Севера в информационное общество. Так, одной из задач федеральной Концепции является повышение качества жизни народов Севера, для решения чего необходимо обеспечение качественными услугами связи, включая мобильную связь и сеть Интернет. Для повышения доступа северных народов к образовательным услугам предусматриваются: оснащение учреждений системы образования (куда входят малокомплектные и кочевые школы) современным оборудованием и технологиями дистанционного обучения; повышение уровня компетенции педагогов; разработка мультимедийных учебников и электронных пособий для изучения национальной культуры и языков народов Севера. Для сохранения культурного наследия северных народов создается информационная база объектов культурного наследия. Механизмы реализации Концепции – правовые, программные (реализация программ и планов мероприятий различных уровней), финансовые (привлечение бюджетных и внебюджетных средств), информационные (информационная поддержка), властные, научно-исследовательские.

Ряд пунктов Программы социально-экономического развития коренных малочисленных народов Югры на 2014–2020 гг. прямо указывает на государственную поддержку развития информационного обеспечения коренных народов Севера. Так, для продвижения туристского этнографического продукта предусмотрены такие

мероприятия, как разработка и изготовление информационной продукции о туристских программах, проведение информационных кампаний в российских и зарубежных средствах массовой информации. Разработан Порядок предоставления субсидий на приобретение материально-технических средств связи, в том числе и для выхода в сеть Интернет.

Подведение итогов реализации первого этапа данной Концепции (2011–2014 гг.) показало, что была проведена большая работа по поддержке юридических и физических лиц из числа коренных народов Севера в части приобретения средств связи. Размер субсидии на возмещение затрат на приобретение материально-технических средств составляет 35–50 тысяч рублей одному лицу раз в пять лет.

На базе регионального «Института развития образования» развернута система дистанционного обучения Некоммерческого Партнерства «Телешкола». Система включает сетевые образовательные ресурсы по подготовке к Единому государственному экзамену, по профильному обучению, обучению в малокомплектных школах, обучению в активированные дни, а также дистанционному обучению детей с ограниченными возможностями здоровья.

Для централизованного мониторинга экологических данных внедрен программный комплекс «Электронные протоколы КХА (качественного химического анализа)», структурированный по предприятиям и участкам недр. Программный комплекс содержит информацию о качестве природных сред ХМАО-Югры. В соответствии с установленными сроками недропользователи через веб-сервис «Личный кабинет недропользователя» предоставляют результаты мониторинга атмосферного воздуха, поверхностных вод, снежного покрова, донных отложений, почв.

С 2012 г. действует официальный сайт коренных народов Югры (www.kmns.admhmao.ru).

В регионе разработан проект «Концепции развития этнокультурной системы образования в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа – Югры». В рамках данной Концепции предусмотрено развитие семейных информационно-консультационных центров на основе передвижных мобильных пунктов с доступом к сети Интернет. В подразделе «Профессиональное самоопределение и профессиональная ориентация» говорится о необходимости формирования у представителей коренных народов Севера компетенций «инновационного человека» – посредством развития системы непрерывного образования, обучения навыкам предпринимательства, создания системы стимулирования инновационной активности молодежи (форумы, слёты, олимпиады), повышения престижа творческой, предпринимательской активности в традиционной хозяйственной деятельности.

Для поддержки одаренных детей и молодежи планируется формирование перечня интеллектуальных и творческих состязаний в сфере спорта, искусства и прикладных технологий, с учетом этнокультурного компонента, с дальнейшим размещением на интернет-порталах.

Для совершенствования многоуровневой инфраструктуры поиска, выявления и развития одаренных детей и молодежи из числа коренных малочисленных народов Севера предусматривается:

- организация системы дистанционных школ, кружков, постоянно действующих семинаров с привлечением к преподаванию в них специалистов из ведущих научных, образовательных, культурных центров страны;
- создание и поддержка сообществ (в том числе интернет-сообществ) детей и молодежи по интересам в сфере науки, культуры, спорта, сопровождение процесса обучения одаренных детей через очную и дистанционную формы, с использованием интернет-ресурсов, ресурсов среднего и высшего профессионального образования.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы и внести предложения:

1. Программно-целевой подход является одним из важнейших в реализации государственной политики по адаптации коренных народов Севера в современном информационном обществе.

2. Инновации должны отвечать социокультурным тенденциям коренных народов Севера, иначе они не находят отклика среди целевой аудитории и включают механизмы отчуждения, что нередко наблюдается в современный период. Это необходимо учитывать при разработке программ и концепций развития коренных народов Севера.

3. Изменения должны быть сбалансированными. Эффективные программы в настоящее время – те, которые базируются на концепции устойчивого развития, а целью ставят изменение жизнедеятельности северных народов в направлении развития их этносоциокультуры.

4. Важно совершенствовать программы и концепции на основе социокультурного подхода, в плане активизации жизненной позиции, качественной переориентации целевых установок, позволяющих мобилизовать потенциал духовной сферы коренных народов Севера.

5. Программы и концепции должны сопровождаться адаптационными методиками, учитывающими особенности среды и совокупность социокультурных особенностей коренных народов Севера. Данные народы должны осознать себя составной частью не только локально-региональной, но и глобальной общественной системы.

Список используемых источников информации

1. Богоявленский Д. Последние данные о численности народов Севера // Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. – Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.raipon.info/component/content/article/1-novosti/2637-2011-12-27-11-54-03.html> (дата обращения: 20.06.2016).
2. Скорик Г.В. Человек в информационном обществе: проблема идентификации (поиска идентичности) // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 302. – С. 53–55.
3. Ю.Б.Козлова Современное этнокультурное образование коренных народов Крайнего Севера: проблемы и тенденции Социально-нравственное становление личности в культурно-образовательной среде Отчего края: Материалы XI Международной научно- практической конференции / Курск: Издательский дом ВИП.В 2 тт. – Т.2,Курск: 2015
4. Распоряжение Правительства РФ от 04.02.2009 № 132-р «О Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации». – Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=84814> (дата обращения: 15.06.2016).
5. Габдрахманова Л.Н.Конфликтогенные проблемы взаимоотношения этносов в регионах России:культурно-языковой аспект вестник ВЭГУ, 2014,№ 6 (74),С.5-11
6. Шкель С.Н., Гареева Н.Э.Теория модернизации и социально-экономические факторы демократизации в контексте политических трансформаций на постсоветском пространстве. Сборнике: Современныетенденцииразвитиянаучноймысли Materials Digest of the 2nd International Scientific and Practical Conference. 2011. С. 46-49.
7. ВэйБэй, ЧэньЧюнь (Китай), АрлеттИриджеДжегнере (Кот-д'Ивуар), Майра Валентина ПоведаКонтрерас (Венесуэла), Алексей Махов (Россия).Особенности адаптации иностранных студентов к условиям жизни и учебы в России (на примере УГНТУ-регионального опорного университета):Экономика и управление: научно-практический журнал.- 2016.- № 2 (130).- С. 80 – 85.
8. Гареев Э.С., Грогуленко Н.В. Поликультурное образование как профилактика межэтнических конфликтов в процессе подготовки специалистов для нефтегазовой отрасли. (На примере студентов ФГБОУ ВПО УГНТУ г. Уфа)// Электронный научный журнал «Нефтегазовое дело». 2014. №3. С.417-434. URL: http://ogbus.ru/issues/3_2014/ogbus_3_2014_p417-434_GrogulenkoNV_ru.pdf
9. Ю.Б.Козлова Э.Р. СалимгарееваБрендинг территориальных образований как средство сохранения и продвижения историко-культурного наследия Березовского района Ханты-Мансийского автономного округа - Югры История и педагогика естествознания, 2016. № 1. С. 56-59.
10. Декларация ООН о правах коренных народов: принята резолюцией 61/295 Генеральной Ассамблеи от 13.09.2007. – Электронный ресурс. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_-rights.shtml (дата обращения: 15.06.2016).

Сахибгареев А. А., Гарипова Г. Н.

Биопестициды и минеральное питание на посевах ячменя в Башкортостане

*ФГБНУ Башкирский научно-исследовательский институт сельского хозяйства
(Россия, Уфа)*

doi 10.18411/scc2016-3-12

idsp 000001: scc2016-3-12

The article shows the features of barley cultivation in the steppe zones of the Republic, the impact of fertilizers and pesticides on crops. The soil cover of the pre-Ural steppe zone, where the research was conducted is represented mainly by typical carbonate Chernozem. The most important factors during the growing season was the thermal conditions of the environment, the availability of moisture and nutrients in the rooting zone soil layer.

It is established that yield formation mainly depends on the level of potential fertility of soil and amount of applied fertilizers. The main sources of nitrogen nutrition of plants - nitrate and ammonium - equivalent in the case of creation of favorable conditions for their assimilation.

The lack of specific early spring temperature and moisture of the soil increased ammonification and was observed some increase of ammonia in the soil until the end of tillering.

All phases of the development of barley was accompanied by protection against harmful organisms using various activities.

Key words: barley, harmful organisms, mineral fertilizers, pesticides, harvest, nitrate, soil.

В статье показаны особенности возделывания ячменя в степных зонах республики, влияние удобрений и биопестицидов на урожай. Почвенный покров предуральской степной зоны, где проводились исследования представлен в основном типичными карбонатными черноземами. Наиболее важными факторами в период вегетации являлись тепловой режим окружающей среды, наличие влаги и элементов питания в корнеобитаемом слое почвы

Установлено, что формирование урожая в основном зависит от уровня потенциального плодородия почвы и количества минерального удобрения. Основные источники азотного питания растений - нитраты и аммоний - равноценны в случае создания благоприятных условий для их усвоения.

Недостаточная температура и определенная ранневесенняя увлажненность почвы усиливали аммонификацию и наблюдалось некоторое увеличение аммиака в почве до конца кущения растений.

Все фазы развития ячменя сопровождалась защитой от вредителей и болезней с применением различных препаратов.

Ключевые слова: ячмень, вредные организмы, минеральные удобрения, пестициды, урожай, нитраты, почва.

Введение. Благодаря своим биологическим особенностям ячмень является хорошим компонентом в наборе культур полевого севооборота. Он более экономно расходует влагу на образование сухого вещества, отличается коротким вегетационным периодом, рано освобождает занятые им площади, является также надежной страховой культурой для пересева погибших озимых. Хорошая адаптационная способность его растений к условиям выращивания, позволяет возделывать ячмень во всех зонах республики и формировать при этом довольно высокие и стабильные урожаи с хорошими технологическими качествами зерна. Ячмень предъявляет повышенные требования к наличию питательных веществ в корнеобитаемом слое почвы (1).

Условия, материалы и методы. Экспериментальную часть работы проводили в 2011-2015 гг. на опытных полях Казангуловского Научного Подразделения ФГБНУ Башкирский НИИСХ, расположенного в Предуральской степной зоне Башкортостана. Семена обрабатывали перед посевом протравителем Дивиденд Стар (1,0 л/т + Фитоспорин М Ж Экстра (1 л/т), растения ячменя по вегетации опрыскивали согласно

ЭПВ в фазу всходов инсектицидом Децис Экстра (0,03 л/га). Объект исследований – ячмень сорт Белгородский 100.

Почвенный покров Предуральской степной зоны, где проводились исследования представлен в основном типичными карбонатными черноземами (66 %), суглинистые по механическому составу с различной мощностью гумусового горизонта. Они содержат одинаковое количество физического песка и глины и характеризуются высокой водопроницаемостью и низкой водоудерживающей способностью.

Результаты и обсуждение. Содержание гумуса в почве опытного участка составило 5,44%, общего азота-0,29%, щелочногидролизующего азота по Корнфильду-13,3%, подвижного фосфора и обменного калия по Мачигину – соответственно 5,0 и 13,7 мг/100 г почвы, реакция почвенного раствора слабощелочная близкая к нейтральной (рН 7,03), степень насыщенности основаниями высокая (95,5 %). Опыты закладывали в трехкратной повторности в пятипольном зерновом севообороте: пар, озимая пшеница (Башкирская 10), яровая пшеница (Экада 70), горох (Чишминский 229), ячмень (Белгородский 100)). Размер делянок 800 м² Площадь поля культуры-4 га.

Наши исследования показали, что при незначительном количестве осадков и высокой температуре воздуха растения ячменя испытывали недостаток влаги, начиная уже с кущения и в последующие фазы вегетации. Формирование урожая в основном зависит от уровня потенциального плодородия почвы и количества применяемых удобрений под ту или иную культуру в севообороте. Однако эта зависимость нестрогая пропорциональна в силу ряда причин, влияющих на рост и развитие растений в естественных условиях; наиболее действенными факторами в период вегетации остаются тепловой режим окружающей среды, наличие влаги и элементов питания в корнеобитаемом слое почвы. В то же время динамика азота, фосфора и калия в большей степени зависит от характера потребления их той или иной возделываемой культурой. В связи с интенсивным развитием корневой системы и накоплением большинства надземной массы к периоду «колошения – цветения» нитраты в почве на всех вариантах опыта по ячменю заметно снизились. Накопление биомассы при отсутствии атмосферных осадков во второй половине вегетации привело к абсолютному сокращению водных запасов почвы и созданию неблагоприятных условий для продуцирования нитратов микроорганизмами. Это послужило причиной продолжающегося уменьшения их в почве (2).

Недостаточная температура и определенная ранневесенняя увлажненность почвы в годы исследований (2011-2015 гг.), сдерживая нитрификационные процессы, усиливали аммонификацию и наблюдалось некоторое увеличение аммиака в почве до конца кущения растений.

Несмотря на быстрое поглощение фосфора молодыми растениями, в период кущения содержание подвижной фосфорной кислоты в почве несколько увеличилось, что подтверждается выводами отечественных и зарубежных исследователей о преобладании перехода растворимого фосфора в почвенный раствор над поглощением его растениями в ранние фазы развития (2)

В нашем опыте на всех вариантах удобрений потребность посевов в калийном питании значительно выше, чем в фосфоре. Запасы его в почве довольно велики, но доступны растениям лишь водорастворимые его формы и калий, находящийся на поверхности почвенных коллоидов в обменно-поглощенном состоянии.

Внесение K₂O на отвальном фоне дозами 60-90 кг/га увеличило запасы калия в период всходов лишь в пределах 1,6-2,7 мг/100 г и или на 9,0 -15,2 %, соответственно. На типичном карбонатном черноземе яровой ячмень более всего нуждается во внесении азотных и фосфорных удобрений, а калием он обеспечен достаточно. Меры, обеспечивающие снижение белковости до оптимального уровня и одновременно повышающие содержание углеводов в зерне ячменя, имеют особое значение для производства качественного ячменя.

В процессе онтогенеза ячмень поражается комплексом вредных организмов: хлебные полосатые блошки, корневые гнили, пятнистости различной этиологии, головневые, пьявица, тля, трипсы. Состав патогенов меняется в зависимости от погодных условий в период вегетации.

В последние годы в связи с климатическими изменениями, которые выражались в частом дефиците влаги в вегетационный период (особенно в 2010 – острозасушливом

году) в патогенном комплексе корневых гнилей ячменя наметилась тенденция к возрастанию роли грибов рода *Fusarium* и поэтому вредоносность корневых гнилей стала более значительной, а эпифитотийное развитие увеличилось до 3 раз в 10 лет. Возделывание ячменя по усовершенствованной технологии предполагает обработку семян против семенной инфекции такими протравителями, как Витавакс 200, СП при норме расхода 3 кг/т, Раксил, КС при норме расхода 0,5 л/т, Дивиденд Стар, КС – 1,0 л/т, Премис Двести, КС – 0,2 л/т (3).

Выводы. Важнейшим условием формирования высокого урожая зерна ячменя с хорошим качеством остается правильное определение норм удобрений, а также комплекс мер, включающий протравливание семян ячменя, обработку инсектицидами (в фазу кущения или трубкования), внесение удобрений с преобладанием фосфора над азотом – все это позволяет получить высокий урожай ячменя.

Список используемых источников информации

1. Сахибгареев А.А., Гарипова Г.Н. Современные технологии возделывания ячменя в Башкортостане. Уфа, 2016. 35 с.
2. Экологизированная система защиты зерновых и зернобобовых культур от болезней, вредителей и сорняков в Башкортостане. Рекомендации производству. Уфа, БашНИИСХ, 2006. с.9.
3. Методические рекомендации по защите зерновых культур от вредных организмов., СПб, ВИЗР, 2002. С.25.

Смирнов Т.А., Майорова Е.В., Монич А.И., Михайлов Ю.В.
Толерантность личности: проблемы формирования (социально-философский аспект)

*ФГБОУ ВПО «Норильский индустриальный институт»
(Россия, Норильск)*

doi 10.18411/scc2016-3-13

idsp 000001: scc2016-3-13

Smirnov T.A., Mayorova E.V., Monich A.I., Mikhaylov Yu.V.
**Tolerance of the personality: formation problems
(social and philosophical aspect)**

Abstract: in article authors carry out the comparative analysis of tolerance in the western philosophical, pedagogical thought. The analysis of tolerant behavior of the personality in society is actual for modern development of Russia. Authors draw a conclusion that tolerance of the personality is impossible without the cultural identity created in society, based on traditions and national self-identification.

В статье авторы проводят сравнительный анализ толерантности в западной философской, педагогической мысли. Анализ толерантного поведения личности в социуме является актуальным для современного развития России. Авторы делают вывод о том, что толерантность личности невозможна без культурной идентичности, формируемой в социуме, основанной на традициях и национальной самоидентификации.

Ключевые слова: личность, толерантность, культура, справедливость, ценность, идеал, этноцентризм, нормы, правила

В настоящее время в западной литературе сложилось два основных подхода к исследованию толерантности. Первый акцентирует внимание на интерпретации толерантности в контексте обновленного политического либерализма, а второй считает нормативный плюрализм современности разрушением основ либеральной теории и близок по своим основаниям к постмодернистским концепциям. Первый представлен работами Дж. Ролса и примыкающей к нему школы «либерального объективизма» (*liberal impartialism school*), второй наиболее ярко характеризуют труды представителя Лондонской школы экономики Дж. Грея.

Как отмечают исследователи, теория справедливости Дж. Ролса обобщает известную теорию общественного договора, описанную еще философами XVII – XVIII вв. Локком, Руссо и Кантом. Однако если традиционная теория общественного договора служила главным образом легитимации власти, пытаясь объяснить ее

возникновение и ее справедливость, то учение Ролса ставит проблему существования универсальных ценностей и той роли, которую они выполняют в обществе. Другими словами, вопрос заключается не в том, почему демократия справедлива, а в том, что такое сама эта справедливость и потому – на каких принципах должно основываться относительно справедливое, «хорошо упорядоченное» общество. Согласно концепции «справедливости как честности» Ролса, справедливость – это состояние, которое люди свободно и разумно избрали бы в «изначальном положении», а общество как «кооперативное предприятие для взаимной выгоды». Ролс исходит из положения о рациональной природе человека, полагая что все люди, независимо от их культурной и конфессиональной принадлежности – это «моральные личности, ...существа, имеющие собственную концепцию своего блага и способные к чувству справедливости» [2, с. 19].

Ценность толерантности, по Ролсу, напрямую вытекает из принципов справедливости, которые сводятся к принципам равной свободы равных граждан. Эта равная свобода возможна лишь при условии государственного нейтралитета по отношению к религиозным и другим идеологическим концепциям. Поэтому «...при условии наличия принципов справедливости, государство должно пониматься как ассоциация, состоящая из равных граждан. Оно не заботится о философском и религиозном учении, но регулирует преследование индивидами своих моральных и духовных интересов в соответствии с принципами, с которыми они сами бы согласились в первоначальной ситуации равенства. Употребляя свою власть таким образом, правительство действует как агент граждан и удовлетворяет требования их публичной концепции справедливости. ...из принципов справедливости следует, что правительство не имеет ни права, ни обязанности делать что оно или большинство ... желает делать в вопросах морали и религии. Его обязанность ограничивается гарантированием условий равной моральной и религиозной свободы» [2, с. 212]. Государство выступает как толерантное государство, если является гарантом свободы, справедливости и равенства. Единственной причиной ограничения свободы может быть лишь угроза самой этой свободы: «свобода совести должна ограничиваться только когда имеется разумное ожидание, что отсутствие таких ограничений угрожает общественному порядку, который должно сохранять правительство. Это ожидание должно быть основано на доступным всем данным и способах рассуждения» [2, с. 213].

Обобщая основные положения концепции толерантности Ролса можно отметить следующее:

- 1) толерантность оценивается им прежде всего с аксиологических позиций, как моральная добродетель, политическая ценность, а не инструмент разрешения тех или иных проблем;
- 2) как таковая толерантность представляет собой одно из воплощений принципа справедливости, равенства в «хорошо упорядоченном обществе»;
- 3) толерантность есть вполне рациональная добродетель и оправдывается именно рациональными соображениями;
- 4) наконец, поскольку для реализации толерантности необходимо согласие граждан, никакие философские и религиозные учения не могут рассматриваться как ее основания, а значит граждане при решении вопросов, связанных с толерантностью, должны отдавать предпочтение справедливости, равенству и праву перед своими многочисленными теориями блага.

Концепции Ролса противостоят сегодня многочисленные постмодернистские концепции, наиболее яркими представителями которых являются Дж. Грей, Дэвид Готье. Так, Дж. Грей полагает, что либеральная концепция толерантности не соответствует основным характеристикам развития современной цивилизации, к которым он относит прежде всего «высокую степень гетерогенности обществ, выражающуюся в их мультикультурности и плюрализме ценностей: «либеральная толерантность начинается как проект мирного сосуществования в сообществах христиан, чьи соперничающие претензии на истину и политическую власть закончились войной. Происхождение толерантности из религиозных конфликтов Европы Нового Времени, делают ее плохим руководством к *modus vivendi* в

современных обществах, обладающих высокой степенью гетерогенности» [3, с. 32]. Как справедливо утверждает Грей, либеральная толерантность, во-первых, основана на признании одного наилучшего образа жизни. Толерантность, с этой точки зрения, происходит из «новоевропейского изменения сократическо-христианской точки зрения» о существовании одной истинной морали, разума, религии и пр., что поставлено под сомнение самим фактом плюрализма ценностей. Это понятие, по Грею, действительно разрабатывалось для «смягчения различий верований и практик среди людей, обладавших общим пониманием морали и религии. Оно не может обеспечить сосуществование для людей, у которых такое общее понимание отсутствует» [3, с. 323]. Кроме того, как отмечает Грей, всякая толерантность есть именно терпимость, то есть имплицитно признает «терпимый» объект чем-то изначально нежелательным и потому, в конечном итоге, злом. Объект терпят несмотря на его недостойность, а потому либеральная толерантность не может быть «... проектом сосуществования различных форм жизни, равно легитимных и достойных» [3, с. 325]. Теория толерантности Ролса стремится найти единую «минимальную» мораль, приемлемую для всех систем ценностей. В теории Грея «...плюрализм ценностей не является установкой этической теории, которая защищается апелляцией к чужим и дальним культурам. Это – феноменологическое общее место» [3, с. 326]. Идея о первенстве права над благом кажется Грею абсолютно безосновательной, поскольку человек только тогда может принять то или иное право как таковое, когда уже заранее знает, для получения какого блага это право может послужить. Поэтому «когда концепции человеческих интересов упрямо различаются, либо когда интерпретаторы одной и той же концепции ранжируют эти интересы различным образом, аргументы о правах становятся внутренне бесплодными» [3, с. 328]. Ситуация в современном мире характеризуется наличием множества различных движений, которые не всегда гармонично пересекаются не только в пространстве больших территорий и человеческих общностей, но и в рамках одной человеческой судьбы. «В наше время ... пути жизни редко индивидуализированы строгим образом; многие люди принадлежат, по воле случая, по своему выбору, или благодаря судьбе к более чем одному такому пути; и все пути жизни содержат в себе конфликтующие движения» [3, с. 331]. Это делает невозможным поиск ценностей, приемлемых для всех возможных культур и конфессий. Вывод Грея состоит в отрицании возможности построения приемлемой всеми концепции морали и блага и призывом опираться на сложившееся положение вещей.

Идеи Грея кажутся более соответствующими современным реалиям, нежели предпринятая Ролсом попытка возродить европейские теории XVIII в.

«Средний путь» намечается американскими авторами Дж.К. Лорсенем и К. Нидерманом. Согласно концепции Дж.К. Лорсена, толерантность не является моральной ценностью. Она может быть рассмотрена как средняя форма оценочного отношения, как нечто, не достигающее полного принятия и не совпадающее с агрессивным отвержением. Но в некоторых случаях толерантность весьма полезна, так как является единственно возможным выходом из конфликта. И, вместе с тем, как нечто среднее толерантность представляет собой неустойчивое состояние, содержащее тенденцию к развитию либо в сторону дружественного сближения, либо в сторону конфликта. Эту концепцию специалисты считают весьма спорной, отмечая в качестве ценного аспекта то, что авторы не ограничивают толерантность сферой моральной и политической философии, но рассматривают и ее социокультурный смысл как средства, позволяющего самым различным культурам и религиям вступать в контакты друг с другом. Кроме того, авторы рассматривают толерантность не как производное европейской цивилизации, но полагают, что толерантность представляет собой общечеловеческое, общекультурное приобретение, возникшее за счет опыта встречи различных культур, конфессий, философских и политических систем.

Однако определяя толерантность как «жизнь с чем-то, что не может быть ни всецело одобрено, ни полностью осуждено», Дж.К. Лорсен считает, что несмотря на значительную секуляризацию проблемы толерантности, «существенное большинство вопросов, порождающих требование толерантности, сегодня все еще религиозные вопросы...». Дело все в том, что «всегда существовало множество религиозных обрядов, множество способов, которыми люди делают, что они считают должным по отношению к трансцендентному», а потому «также всегда существовало и великое

множество реакций на это множество обрядов и образов жизни, включая множество способов толерантности и веротерпимости (tolerance and toleration)» [4, с. 5]. Отмечая распространенность разных форм толерантности в различных культурах, стоит согласиться с Ричардом Дисом, утверждавшим, что невозможно дать определение толерантности, поскольку она слишком зависима от своего контекста. Контекстуальный подход к решению межкультурных проблем и определению понятия толерантности становится в настоящее время наиболее адекватным: в самом общем виде указанную смену парадигмы можно обозначить следующим образом: господство в обществе технико-экономических теорий и решений сменяется преобладанием решений, ориентированных на контекст и обусловленных культурой.

В современной литературе существует множество различных классификаций толерантности. К примеру, Майкл Уолцер пишет в этой связи о пяти возможных подходах. Первый из них – «покорное принятие ради мира»; второй – «пассивное, расслабленное безразличие»; третий – «нечто вроде морального стоицизма: принципиальное признание того, что другой имеет «права», даже если он пользуется ими непривлекательным способом»; четвертый – «открытость другим, любопытство; возможно даже уважение, желание услышать и узнать»; пятый – «одобрение различия» [5, с. 10–11].

Весьма сложной для теории толерантности является проблема того, насколько она может считаться моральной нормой, добродетелью. Анализируя понятие толерантности, П. Николсон [6] выделяет следующие аспекты этого феномена:

1. Отклонение. То, к чему относятся толерантно, отклоняется от того, о чем субъект толерантности думает как о должном, либо от того, что он делает как должное.
2. Важность. Предмет отклонения не тривиален.
3. Несогласие. Толерантный субъект морально не согласен с отклонением.
4. Власть. Субъект толерантности обладает властью, необходимой для попытки подавить предмет толерантности (или, по крайней мере, воспротивиться либо помешать ему).
5. Не-отторжение. Тем не менее, толерантный субъект не применяет своей силы, позволяя тем самым существовать отклонению. (Я предпочитаю говорить здесь именно скорее о не-отторжении, чем об обычно используемом «принятии».)
6. Благость. Толерантность верна, а толерантный субъект благ.

Как отмечает П. Николсон, толерантность, на первый взгляд, влечет за собой утрату свободы, так как субъект, занимая позицию толерантности, отказывается от своей свободы привести имеющуюся у него силу в действие. Однако в реальности, так как толерантность есть благо, субъект толерантности не имеет морального права не быть толерантным. «Он не свободен отказаться от своей толерантности. Но это означает не то, что он становится менее свободен, просто, с моральной точки зрения, он не свободен изначально; толерантность есть обязанность, и здесь не возникает вопроса о свободе быть или не быть толерантным» [6]. Кроме того, будучи толерантным, человек не ограничивает и собственной свободы: «... моральный идеал толерантности делает рациональным свободное согласие человека быть толерантным. Ему нет необходимости находиться в ситуации покорного «соглашения» на правление завоевателя, как у Гоббса, принимая толерантность из-за своей неспособности найти лучшую альтернативу; он может согласиться на толерантность, поскольку считает ее тем благом, которого он активно желает... Человек, который свободно соглашается на толерантность и который понимает то, каким образом она является благом, т. е. тот, кто рассматривает ее с положительной стороны, понимает, что его свобода увеличилась. Более того, он осознает, что она увеличилась вовсе не за счет сокращения некоторой первоначальной свободы, от которой он отказался. Он не обменивает свою «старую» свободу подавлять идеи других на некоторую «новую» свободу проверять свои убеждения перед лицом этих других. Ведь добровольное самоограничение является необходимой частью толерантности и потому конститутивной частью его свободы» [6]. Толерантность, как отмечает П. Николсон, как и всякий моральный идеал, имеет свои границы, а значит, не требует от нас примирения со всем существующим. Толерантность как моральный идеал, по мнению Николсона, устанавливает два

основных ограничения. Во-первых, следует отвергать то, что противоречит моральному основанию, на котором зиждется идеал толерантности, а именно уважению ко всем людям как полноправным моральным субъектам. Во-вторых, стоит отвергать все, противоречащее самому идеалу толерантности. Положение о том, что необходимо толерантно относиться к разрушению толерантности, попросту внутренне противоречиво.

Определяя границы толерантности, Николсон предлагает различать мнения и действия. «Я полагаю, что толерантность следует проявлять к любому и каждому выражению мнения, включая и те мнения, которые защищают интолерантное поведение. Аргументы в пользу толерантности, которые можно привести как положительные, кажутся мне равно применимыми ко всем мнениям. Существенной практической проблемой здесь является способность отличать выражение мнений, к которому всегда следует относиться толерантно, от действия на основе этих мнений, которое вовсе не всегда нужно терпеть... Частью серьезного отношения к неприемлемым мнениям является понимание того, что они могут распространиться и, при практической реализации, подорвать значимые ценности и институты. Но такая абстрактная возможность не может служить оправданием интолерантности к выражению мнений. Далее, гарантируя свободу выражения неприемлемого или даже нетолерантного мнения, субъект толерантности защищает и укрепляет свои собственные ценности, показывая, как высоко он ценит толерантность и ту мораль, на которой она основана. И напротив, интолерантность правительства может нанести больший ущерб этой морали, нежели действия любого интолерантного меньшинства» [6]. Такое утверждение, подчеркивая аксиологическую ценность толерантности, дает возможность совмещать пристрастное, ценностное отношение к реальности с возможностью равноправного диалога. Принимается, что различие мнений не только возможно, но и допустимо, и их свободное выражение должно гарантироваться социальной системой гражданского общества, которое, в то же время, должно защищать себя от тех действий, которые противоречат приятным законным нормам.

Толерантность современного общества не предполагает вседозволенности и мало похожа на хорошо известный принцип «непротивления злу насилием». Как полагает Николсон, «моральный идеал толерантности остается релевантным и значимым, поскольку подчеркивает принципиальные моральные аспекты практических вопросов. Толерантность допускает ограничение, когда это необходимо для защиты тех моральных ценностей, которые ее оправдывают. Моральной целью здесь, тем не менее, остается снятие этих ограничений и, возможно, более широкое распространение толерантности. Когда правительство не способно практиковать добродетель толерантности в полной мере, оно должно признать свою неудачу, определить ее источники (например, что в обществе имеется слишком много людей, в ответственное поведение которых нельзя верить) и сделать все возможное для исправления ситуации. Моральный идеал толерантности прежде всего предполагает, что любой человек способен быть морально ответственным. Следовательно, он направлен против любого постоянного патернализма, предполагающего принципиальную неспособность к толерантности некоторых членов общества, поскольку это последнее утверждение несовместимо с моралью, содержащейся в позитивном аспекте толерантности» [6]. Таким образом, принятие идеалов толерантности заставляет общество сталкиваться с проблемой определения границ терпимости и активной защиты тех принципов и ценностей, по которым оно живет, и которые и обеспечивают возможность толерантности.

Выводы:

1. Толерантность определяется как ценность и социальная норма гражданского общества, проявляющаяся в праве быть различными всех индивидов гражданского общества; обеспечении устойчивой гармонии между различными конфессиями, политическими, этическими и другими социальными группами; уважении к разнообразию различных мировых культур, цивилизаций и народов; готовности к пониманию и сотрудничеству с людьми, различающимися по внешности, языку, убеждениям, обычаям и верованиям.

2. Выделяют два подхода к исследованию толерантности. Первый представлен работами Дж. Ролса и примыкающей к нему школы «либерального объективизма» (liberal impartialism school), второй наиболее ярко характеризуют труды представителя Лондонской школы экономики Дж. Грея.
3. Ценность толерантности, по Ролсу, напрямую вытекает из принципов справедливости, которые сводятся к принципам равной свободы равных граждан.
4. Дж. Грей полагает, что либеральная концепция толерантности не соответствует основным характеристикам развития современной цивилизации, к которым он относит прежде всего «высокую степень гетерогенности обществ», выражающуюся в их мультикультурности и плюрализме ценностей: либеральная толерантность начинается как проект мирного сосуществования в сообществах христиан, чьи соперничающие претензии на истину и политическую власть закончились войной.
5. Как отмечает П. Николсон, толерантность есть благо, которое ведет к увеличению свободы.

Список используемых источников информации

1. Асмолов, А.Г. На пути к толерантному сознанию [Текст] / А.Г. Асмолов. – М., 2000.
2. Ролс, Дж. Теория справедливости [Текст] / Дж. Ролс. – М., 1971.
3. Грей, Дж. Поминки по просвещению [Текст] / Дж. Грей. – М., 2000.
4. Лорсен, Дж.К. О толерантности [Текст] / Дж.К. Лорсен. – СПб., 1999.
5. Уолцер, М. О терпимости: лекции по этике, политике, экономике [Текст] / М. Уолцер. – М., 1997.
6. Nicolson, P. Feminist social psychology. Developing theory and practice [Текст] / P. Nicolson. – Cambridge, 1985.

Худякова Т.С., Шеломенцев А.Г., Дорошенко С.В.

Программные меры поддержки и сферы социально-экономического развития малого и среднего предпринимательства Зауралья

*ФГБОУ ВО Уральский государственный экономический университет,
Институт экономики УрО РАН
(Россия, Екатеринбург)*

doi 10.18411/scc2016-3-14

idsp 000001: scc2016-3-14

Аннотация. В статье на основе анализа действующей нормативно-правовой базы в области малого и среднего предпринимательства Курганской области выявляются представленность различных мер поддержки и сферы социально-экономического развития малого и среднего предпринимательства региона. Авторы находят сходства и отличия изученных документов в контексте мер поддержки и сфер социально-экономического развития малого и среднего предпринимательства Курганской области.

Ключевые слова: малое и среднее предпринимательство, государственные программы, меры поддержки малого и среднего предпринимательства, социально-экономическое развитие, Курганская область.

Актуальность темы исследования

Исходя из «Концепции долгосрочного социально-экономического развития России на период до 2020 года», утверждённой Распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 года № 1662-р, стимулирование предпринимательской активности является одним из направлений перехода к инновационному социально ориентированному типу экономического развития России. Следовательно, государственное управление экономическим развитием России должно включать в себя меры поддержки малого и среднего предпринимательства (МСП), которые особенно актуальны в условиях финансового кризиса и действующих санкций. Государственным механизмом социально-экономического развития России в целом и её регионов служат разного рода программы (целевые, ведомственные, комплексные), поэтому представленные в этих программах меры и сферы социально-экономического развития МСП являются актуальными для изучения.

Данные официальной статистики Зауралья говорят о продолжающейся в течение последних нескольких лет стагнации в секторе МСП. Такие показатели как "удельный вес малых предприятий", "среднесписочная численность работников малых предприятий", "оборот малых предприятий" Зауралья не проявляют тенденцию к увеличению. По величине валового регионального продукта данный регион уступает всем остальным регионам Уральского федерального округа (УрФО), а среднегодовая численность занятых в экономике Зауралья снижается, приводя к самому высокому среди остальных регионов УрФО уровню безработицы. Кроме того, Курганская область является аграрным регионом, поэтому развитие МСП в этой сфере и в перерабатывающей промышленности может создать необходимые условия для укрепления сельского хозяйства. Таким образом, в Курганской области наблюдается необходимость улучшения предпринимательского климата, в том числе с помощью программных мер.

Материалы и методы исследования

Механизму государственной поддержки развития малого и среднего бизнеса на региональном уровне уделяется большое внимание в отечественной научной литературе. Так, авторы А.П. Киреенко, Л.В. Санина рассматривают государственные программы в качестве инструмента государственной финансовой поддержки МСП [3]. М.А. Осипов считает, что «на сегодняшний день костяк института поддержки малого бизнеса в России составляют программы поддержки малого и среднего предпринимательства различных уровней и организации, формирующие инфраструктуру поддержки малого предпринимательства» [6]. Колпакиди Д.В. рассматривает процесс развития МСП как «результат функционирования государственной системы управления, совершенствующейся в процессе последовательно реализуемых программ поддержки и развития МСП» [4]. Важности инструментов государственного управления в развитии предпринимательской активности в регионах также уделяют внимание С.В. Дорошенко и А.Д. Топоркова [2]. Кроме того, в научной среде активно обсуждаются меры поддержки МСП. В частности, И.А. Гришин, Л.Д. Утюшева выделяют внутренние и внешние, прямые и косвенные методы повышения эффективности предприятий малого и среднего бизнеса [1]. Систематизацию направлений, форм и инструментов поддержки предпринимательства на региональном уровне проводит также И.Ю. Нестеренко, который описывает модель организационно-экономического механизма поддержки предпринимательства на региональном уровне [5].

По мнению авторов, акцент государственной политики в сфере МСП должен быть сделан на методах поддержки, приоритетных направлениях развития МСП и совершенствовании соответствующей нормативной правовой базы в каждом субъекте Российской Федерации.

В процессе исследования были изучены нормативно-правовые документы, посвящённые развитию МСП Зауралья и размещённые на сайтах Правительства и Департамента экономического развития Курганской области. Они включали в себя в большей степени государственные и целевые программы, а также закон о развитии МСП и стратегию социально-экономического развития региона. Это позволило выявить связи и отличия изученных документов в формах поддержки и сферах социально-экономического развития МСП Зауралья. В каждой программе, затрагивающей развитие МСП Зауралья, были изучены формы поддержки МСП, таким образом удалось выявить степень представленности разных программных мер поддержки МСП. Методами исследования являлись нормативно-правовой, компаративный, контент-анализ.

Результаты исследования

Нормативно-правовую базу поддержки МСП в Зауралье составляют:

- 1) Закон Курганской области от 26 сентября № 389 «О развитии малого и среднего предпринимательства в Курганской области» (далее - Закон), утверждённый Постановлением Курганской области от 23 сентября 2008 года № 3375;
- 2) Стратегия социально-экономического развития Курганской области до 2020 года (далее - Стратегия), утверждённая Распоряжением Правительства Курганской области от 2 декабря 2008 года № 488-р;
- 3) Государственные и целевые программы, в которых затронуты вопросы поддержки МСП:
 - государственная программа "О Развитии и поддержке малого и среднего предпринимательства в Курганской области" на 2014-2020 годы;

- государственная программа "Развитие жилищного строительства" на 2014-2018 годы (подпрограмма "Развитие промышленности строительных материалов");
- государственная программа "Развитие туризма" на 2014-2019 годы;
- государственная программа "Содействие занятости населения" на 2015-2017 годы;
- государственная программа "Улучшение условий и охраны труда" на 2014-2018 годы;
- государственная программа "Развитие культуры Зауралья" на 2014-2020 годы;
- государственная программа "Развитие агропромышленного комплекса" на 2014-2020 годы (подпрограмма "Поддержка малых форм хозяйствования на селе");
- государственная программа "Устойчивое развитие сельских территорий" на 2014-2017 годы и на период до 2020 г.;
- государственная программа "Природопользование и охрана окружающей среды" на 2014-2020 годы;
- государственная программа "Развитие науки и технологий" на период до 2020 года;
- государственная программа, направленная на создание благоприятных условий для привлечения инвестиций в экономику Курганской области на 2014-2019 годы;
- государственная программа "Внедрение спутниковых навигационных технологий в интересах социально-экономического и инновационного развития Курганской области" на 2014-2020 годы;
- государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Курганскую область соотечественников, проживающих за рубежом на 2013-2020 годы;
- государственная программа "Противодействие коррупции" на 2014-2018 годы;
- целевая программа демографического развития Курганской области до 2025 года;
- ведомственная целевая программа Департамента природных ресурсов и охраны окружающей среды Курганской области "Охрана окружающей среды и экологическая безопасность Курганской области" на 2014–2016 годы.

Как указано в ст. 6 Федерального закона от 24 июля 2007 года № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации», государственная политика в области развития малого и среднего предпринимательства представляет собой совокупность правовых, политических, экономических, социальных, информационных, консультационных, образовательных, организационных и иных мер. Законом предусмотрено, что органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления вправе самостоятельно оказывать иные формы поддержки за счет средств бюджетов субъектов Российской Федерации, местных бюджетов. Кроме того, в законе под поддержкой субъектов малого и среднего предпринимательства понимается деятельность федеральных и региональных органов государственной власти, а также организаций, образующих инфраструктуру поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства, осуществляемая в соответствии с государственными программами, содержащими мероприятия, направленные на развитие малого и среднего предпринимательства.

Общими для Закона, Стратегии и программ видами поддержки субъектов МСП являются: финансовая, имущественная, информационная, консультационная, образовательная, развитие инфраструктуры поддержки МСП, поддержка в области инноваций и промышленного производства, ремесленной, внешнеэкономической и сельскохозяйственной деятельности.

Отличия в видах поддержки МСП, обозначенных в рассматриваемых документах, заключается в следующем:

- в Законе Зауралья не упоминаются методическая поддержка, привлечение инвестиций и поддержка выставочно-ярмарочной деятельности, содержащиеся в Стратегии и программах Зауралья;
- в программах Зауралья обозначена поддержка в виде сокращения количества контрольных и надзорных мероприятий, проводимых в отношении субъектов МСП, которая не указана в Законе и Стратегии Зауралья.

Таким образом, все формы поддержки МСП, обозначенные в Законе, присутствуют в Стратегии, в которой, как и в программах, представлено больше форм поддержки, чем в Законе.

Обозначенные в перечисленных выше программах Зауралья меры поддержки МСП имеют разную степень представленности:

- финансовая (56% программ);
- информационная (56% программ);
- образовательная (44% программ);
- в области инноваций и промышленного производства (25% программ);
- консультационная (19% программ);
- поддержка выставочно-ярмарочной деятельности (19% программ);
- организационно-методическая (19% программ);
- устранение административных барьеров (19% программ);
- создание инфраструктуры поддержки МСП (19% программ);
- привлечение инвестиций (13% программ);
- имущественная (13% программ);
- в области ремесленной деятельности (13% программ);
- правовая (6% программ);
- совершенствование контрольно-надзорных функций (6% программ);
- в области внешнеэкономической деятельности (6% программ);
- в области сельскохозяйственной деятельности (6% программ).

Таким образом, финансовая и информационная поддержки развития МСП содержатся в большинстве программ Зауралья, затрагивающих вопросы поддержки МСП.

Количество представленных в Законе, Стратегии и программах направлений развития МСП различно. Наибольшее количество сфер социально-экономического развития МСП содержат программы, наименьшее - Закон. Все стратегические и приоритетные направления развития МСП, обозначенные в Стратегии, содержатся и в программах.

Во всех рассматриваемых документах (Стратегии, Законе и программах) обозначены следующие стратегические и приоритетные направления развития МСП:

- производство, переработка и хранение сельскохозяйственной продукции;
- производство промышленной продукции;
- инновационная деятельность малых и средних предприятий;
- развитие инфраструктуры поддержки малого предпринимательства;
- продвижение продукции субъектов малого предпринимательства области на региональные и межрегиональные рынки, поддержка выставочно-ярмарочной деятельности;
- ремесленничество;
- внешнеэкономическая деятельность.

Стратегическими и приоритетными направлениями развития МСП, присутствующими в Стратегии и программах, но не представленными в Законе, являются:

- строительная индустрия, строительство жилья, социальных и промышленных объектов, деревообработка;
- жилищно-коммунальное хозяйство;
- оказание услуг в сфере здравоохранения;
- бытовое обслуживание населения;

- въездной и внутренний туризм;
- молодёжное предпринимательство;
- экологически ориентированный бизнес;
- электронный бизнес и электронная коммерция.

Кроме того, в Стратегии и программах указаны и другие дополнительные направления развития МСП: торговля, оказание услуг в сфере культуры.

Обозначенными только в программах направлениями развития МСП Зауралья являются:

- производство детских товаров;
- оказание услуг в сфере образования;
- оказание услуг в сфере спорта;
- социальные услуги;
- добыча и реализация общераспространенных полезных ископаемых;
- оказание автотранспортных услуг по перевозке пассажиров автомобильным транспортом (за исключением услуг такси);
- космические продукты и услуги.

Таким образом, в программах содержатся дополнительные социально-экономические сферы развития МСП, не указанные в Законе и Стратегии.

Выводы

Меры и сферы социально-экономического развития МСП Зауралья представлены в Законе о развитии МСП, Стратегии социально-экономического развития и в шестнадцати программах Курганской области, из которых четырнадцать - государственных, две - целевые. Как в Стратегии социально-экономического развития, так и в программах региона представлено больше мер поддержки МСП, чем в региональном Законе о развитии МСП, среди них преобладают финансовая, информационная и образовательная поддержки.

Отраслями развития МСП, одновременно представленными в Законе, в Стратегии и в программах Зауралья, являются производство, переработка и хранение сельскохозяйственной продукции, производство промышленной продукции, инновационная деятельность малых и средних предприятий, развитие инфраструктуры поддержки малого предпринимательства, продвижение продукции субъектов малого предпринимательства области на региональные и межрегиональные рынки, поддержка выставочно-ярмарочной деятельности, ремесленничество, внешнеэкономическая деятельность.

Наибольшее количество сфер социально-экономического развития МСП Зауралья содержится в госпрограммах региона, далее по количеству представленных направлений развития МСП располагается Стратегия социально-экономического развития региона и на последнем месте - Закон о развитии МСП Курганской области. В целом, по сферам социально-экономического развития МСП Зауралья наблюдается наибольшее сочетание в связке "Стратегия- программы", чем в связках "Закон-Стратегия" и "Закон-программы".

Для более глубокого изучения программных мер поддержки и направлений социально-экономического развития МСП следует обратить внимание на выявление и оценку межпрограммных эффектов развития МСП Зауралья.

Список используемых источников информации

1. Гришин И.А., Утюшева Л.Д. Современные тенденции модификационной изменчивости региональной системы поддержки малого и среднего бизнеса // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. 2013. Сер. 3, № 1 (22). С. 77–84.
2. Дорошенко С.В., Топоркова А.Д. Влияние инновационных инструментов государственного управления на предпринимательскую активность в регионах // Сборник материалов Пермского конгресса ученых-экономистов "Новая индустриализация и умная экономика: вызовы и возможности". 2015. С. 47–51.
3. Киреенко А.П., Санина Л.В. Применение программно-целевого метода для государственной поддержки малого и среднего предпринимательства в регионах Сибирского федерального округа // Известия ИГЭА. 2014. № 4 (96). С. 117 – 132.
4. Колпакиди Д.В. Реализация программно-целевого подхода в процессе совершенствования государственной системы управления развитием малого и среднего предпринимательства // Ученые записки Санкт-Петербургского университета управления и экономики. 2013. № 2 (42). С. 40 – 53.
5. Нестеренко И.Ю. Направления и инструменты поддержки предпринимательства на региональном уровне // Региональная экономика: теория и практика. 2013. № 31 (310). С. 12 – 21.
6. Осипов М.А. Состояние и эффективность института развития малого предпринимательства в России // FUNDAMENTAL RESEARCH. 2013. № 10. – С. 2916 –2920

Scientific publication

Scientific achievements of the third millennium

The collection of scientific papers of the materials International scientific conference
"Scientific achievements of the third millennium"
31 July 2016

SPLN 001-000001-0039-MK